

Михаил
Пухов

СТАНЕТ СВЕТЛЕЕ

Глава I. ИМЯ

Человек проводил предпоследнее занятие цикла, когда вошли те двое. Он чертил на доске круглый контур звездолета культуры Маб и схему расположения противометеоритных лазерных батарей; объяснял, как с минимальными потерями подойти к кораблю на бордажных ракетах и как правильно вести штурм после остановки циркульных таранных головок; рассказывал о наиболее уязвимых местах электронных защитников космической крепости, и аудитория внимала его словам. Шел второй час занятия, когда появились те двое.

Они перешагнули через высокий металлический порог и остановились возле люка, два здоровенных охранника в вакуумных комбинезонах, с тяжелыми атомными карабинами, обращенными прикладами вниз.

Человек только что нарисовал на доске мелом подробную схему атаки из-за угла, и слушатели очень тщательно переписывали условные обозначения. Не глядели на доску лишь двое с атомными карабинами.

— Документы, — сказал тот, что был выше другого. Человек отдал жетон. Другой извлек из его кобуры пистолет и сунул себе за пояс.

— Следуй за нами.

Они шли по затемненному лабиринту внутренних переходов, и стены отражали эхо шагов. Человек достаточно разобрался в архитектуре станции, чтобы понять, что они поднимаются к верхним ярусам. Тот, кто шел впереди, свернул направо. Человек остановился, но другой подтолкнул его в бок, и он тоже повернул направо. Когда они приблизились к концу коридора, люк был уже открыт. Высокий конвоир стоял рядом, пропуская человека вперед. Оди́н шаг в черный провал, и люк за спиной со скрежетом затворился.

Кругом стояла тьма, было тихо, и человек не понимал, где находится. Вдруг что-то щелкнуло, ноги у него подкосились, пол пошел вверх, и всыхнул внутренний свет.

Он сидел в единственном кресле малой межорбитальной ракеты типа «Гном» и отдалялся от станции с возрастающей скоростью. На кормовых экранах незаметно для глаза вращался диск Ди́лавэра, наполовину закрытый тенью. Слева горел Лагор. Впереди сияли крупные звезды Четырех Воинов. Там ждала бездна — и, вероятно, смерть.

Он ткнул наугад клавишу на пульте управления, хоть это и не имело смысла. Клавиша не поддавалась — пульт был парализован. Ракетой управляли извне. Пульта межорбитальных «Гномов» всегда блокируются, когда команды поступают снаружи. Поэтому «Гном» особенно хорош при исполнении приговора.

Горячего в баках почти не было. Столбик подкрашенной жидкости медленно укорачивался. Кроме свободы полета, человеку оставалась только свобода сна...

Он открыл глаза в громадном квадратном зале, середина которого была огорожена канатами, словно боксерский ринг. По его периметру вглубь, в пол зала, уходили глубокие вертикальные норы, круглые колодцы метрового поперечника. Зрителей было мало, да они и не были зрителями — в руках у них были тяжелые охотничьи лучеметы, все они смотрели на гладкую, как каток, поверхность ринга, и была очередь человека.

«Давай», — кивнул ему старший секундант. Человек сделал мысленное усилие, и в центре сорокаметрового квадрата возник колоссальный косматый паук — его двойник, его враг из другого времени. Паук не успел двинуться, а лучемет уже выплеснул длинную струю плазмы, но рука человека дрогнула, и на гладком полу в метре от паука появилось быстро зарастающее пятно ожога. Лучемет снова выстрелил; паук, отскочив вбок, остался в стороне от нового затягивающегося пятна, и опять человек надавил на спуск, а кошмарный паук остановился на миг у одной из круглых нор за канатами, лучемет еще раз дернулся у человека в руках, и струя косо вошла в отверстие, но все было уже кончено, потому что паук скрылся в соседнем колодце.

Секундант посмотрел на человека как на пустое место.

«Все, — сказал он. — Нарушений правил не было. Вы свободны».

«Давай», — кивнул он следующему, а человек пошел из зала вниз по скрученной винтом лестнице, навстречу минуте, когда по мысленному приказанию членистоногого чудовища он окажется в молодой вселенной, в точно таком же зале, огороженном стальными канатами, и в него тоже будут стрелять, но не плазмой, а клейкими сетями, прочными паучьими нитями, и потащат, беспомощного, к краю ринга, в подрагивающие от переноса челюсти. Теперь надо было не пропустить момент переноса, чтобы бежать стремглав, зигзагами через зал, к спасительным люкам за канатами. Правда, ближайшие несколько часов можно было не беспокоиться, потому что противник должеен выждать, пока бдительность человека не притупится.

И вдруг он исчез.

Но он очутился не на ярко освещенной площадке, готовый увернуться от летящей в него липкой ткани. Он очнулся в тесной кабине «Гнома» и не мог шевельнуться, в глазах у него рябило, мысли цепенели, и, как обычно, прошло несколько десятков секунд, прежде чем он понял, что где-то поблизости свертывают пространство и что он по идее должен потерять сознание.

Когда человек очнулся вторично, он лежал обнаженный в чистой постели, на откидной койке в нестандартной каюте, его одежда висела рядом, и вокруг никого не было, и корабль, на борту которого он находился, был гораздо крупнее обычных абордажных и десантных ракет, и где-то в дальнем его конце, видимо в рубке, разговаривали на языке, услышать который в этом районе вселенной было совершенно невероятно. Некоторое время человек слушал разговор просто так, наслаждаясь его звучанием, и только потом начал воспринимать смысл.

— ...еще сутки, — произнес голос, принадлежавший кому-то высокому; что-то было с ним связано — не только теперь, но и в будущем. — Не знаю, как он уцелел. Я бы на его месте не выдержал.

— Так он что же, не человек? — спросил другой голос. Его обладатель был бесспорно лыс, как коренной обитатель Кносса. — Спросите биологов, — сказал высокий. — Но горячего у него не хватило бы даже до ближайшей планеты.

— Там была планета? — спросил третий голос, принадлежавший непонятно кому.

— Да, — сказал высокий. — Но слишком далеко. И ни одного корабля поблизости.

— А что это была за планета? — не унимался третий. — Она есть в плане?

— Нет, — сказал высокий. — Я вышел в пространство случайно. Мне показалось, что-то должно случиться.

— Погодите, — сказал лысый. — Вы отдаете себе отчет, чем рисковали?

— Вам следовало там задержаться, — укоризненно сказал третий. — А вы даже не выяснили, что это за планета.

— Там не было ничего интересного.

— Тогда что же он делал?

— Кораблекрушение, — сказал высокий. — Видимо, у них отказал инвертор.

— А где остальные? Погибли?
— Не обязательно, — сказал высокий. — Если инвертор отказал вне пространства, их могло разбросать по всей вселенной.
— Зачем спорить? — сказал лысый. — Он сам все расскажет.
— Если мы его пойдем.
— У нас есть лингвистическое оборудование.
— Все-таки мне не нравится, что мы там не остановились, — сказал третий.

Пока они так переругивались, человек окончательно очнулся и привел себя в порядок. Версия высокого его устраивала. За высокого он был спокоен. Лысый тоже не внушал подозрений. Разве что третий.

Он снова прислушался к разговору в рубке, и вовремя.

— Пойду посмотрю, как он там. Вдруг очнулся.

— Напрасно потеряете время.

— Я с вами, — сказал третий.

Человек мысленно следил за тем, как они, покинув рубку, идут к нему сквозь лабиринт коридоров.

Это были настоящие люди. Но он немного ошибся. Вошедший первым действительно был невысокий и головастый, но голова эта была покрыта буйной вьющейся растительностью, прямо-таки шевелторой. Однако человек продолжал воспринимать его лысым, вроде шара из палье-маше. Второй был обыкновенный, ничем не примечательный.

Человек внимательно смотрел на них, оценивая ситуацию. Впрочем, план ему уже подсказали. Он встал и пошел им навстречу.

— Здравствуйте, — сказал он, подбирая слова. — Если бы не вы...

— Так вы все-таки человек? — обрадовался второй.

Слово «человек» прозвучало вслух совсем по-другому, чем он привык произносить его мысленно. Это было уже не имя; обычное слово, каких тысячи.

— Человек... — сказал он, которого спасли они. — Но если бы не вы...

— Благодарите Бабича, — сказал головастый. — Нашего вахтенного.

— Как вы там оказались? — спросил второй.

— Авария при гиперпереходе, — объяснил человек, которого они спасли. — У нас полетел инвертор.

— Боже, — сказал второй. — Какой ужас!

— А ваши товарищи?

— Не знаю, — сказал спасенный человек. — Понятия не имею, где они сейчас.

— Какой ужас! — повторил второй. Теперь он не внушал опасений. Вся его подозрительность улетучивалась, как дымовая завеса в вакууме.

— Кто-нибудь из них мог оказаться поблизости, — сказал спасенный. — Вы заметили место?

— Нет, — сказал головастый. — Мы сами попали туда чисто случайно. На Бабича спизошло откровение.

— Но у вас сохранились какие-нибудь записи?

— Записи? — переспросил головастый. — Видимо, да. В борт-журнале.

— А что у вас за журнал?

Головастый пожал плечами.

— Обычный кристаллический бортжурнал.

— Хорошо, — сказал спасенный. — Где он?

Когда они появились в рубке, высокий вахтенный уже шел навстречу, протягивая руку для приветствия.

— Николай Бабиц, штурман.

Спасенный почувствовал смущение.

— Фамилия моих родителей была Синяевы, — сказал он. — Иногда мать называла меня Сашей... И... профессия. Я... инструктор. Я учу других летать на ракетах...

В серых глазах штурмана что-то мелькнуло, что-то похожее на удовлетворение.

— Значит, пилот. Так и запишем. Александр Синяев, пилот-инструктор.

— Извините, — сказал головастый. — Совершенно забыл представиться. Мопин, тоже Александр. А это Анатолий Толейко, руководитель научной группы.

Все обменялись рукопожатиями.

— Наш корабль называется «Земляника», — сказал головастый тезка спасенного пилота-инструктора и вопросительно на него посмотрел.

— Я с одного старого звездолета, — сказал спасенный пилот. — Вряд ли вы о нем слышали.

— У них взорвался двигатель, — объяснил руководитель научной группы Анатолий Толейко. — Известно, что с остальными. Мы должно просмотреть запись.

— Там никого не было, — сказал штурман Бабиц.

— На всякий случай.

— Как хотите.

Экраны в рубке на миг погасли, но тут же вспыхнули снова, сменив рисунок неба.

Созвездия в экранах были видны совершенно отчетливо, так что спасенный беспокоился не напрасно. В глубине маячил едва заметный серп Дилавэра. А совсем рядом, в каких-нибудь ста метрах от передатчика, в пустоте плавал он.

Да, он стоял сейчас в рубке управления чужого звездолета, но одновременно сидел в тесной кабине «Гнома», и терял сознание, и его подтаскивали мощными магнитами к отвесной громадине корабля, к расширяющемуся приемному отверстию, и несли на спине по бесконечным металлическим коридорам, и корабль снова уходил из пространства, и от всех ощущений, сопутствующих переходу, остались лишь полная остановка времени, ощущение да шум чужих голосов где-то внутри.

— Вы все видели сами, — сказал штурман Бабиц. — Там никого не было.

— Придется исследовать запись более тщательно, — сказал головастый Мопин. — На проекторах.

Он взял прозрачный кубик из рук Бабица и передал спасенному пилоту.

Перед тем как вернуть кристалл, пилот Александр Синяев подбросил его на ладони. Он напоминал обычный пищевой концентрат. К сожалению, это было чисто внешнее сходство.

В рубку вошли новые люди. Один из них, рыжий, долгови-
зый, в темных очках, приблизился, пристально разглядывая
спасенного. Пилот Синяев протянул руку. Новый человек сде-
лал вид, что ее не заметил.

— Александр Синяев, — сказал спасенный. — Пилот-инст-
руктор.

— Сейчас посмотрим, — сказал новый человек. — Пройдите
сюда. Раздевайтесь.

Он откинул одно из кресел. Получилась койка.

— Ложитесь.

— Это Дорошенко, — объяснил Монин. — Бортовой медра-
ботник.

— Я не называю своего имени, — сказал Дорошенко. — Все
равно не запомните. И не дышите на меня, пожалуйста.

На боку у него была прицеплена сумка. Он вытащил оттуда
белый халат и облачился. Потом он достал из сумки белую
маску и укрепил ее на лице, так что снаружи остались только
очки и прямые рыжие волосы, которые он тут же прикрыл
извлеченной из сумки белой шапочкой. После этого он осто-
рожно потрогал пустую кобуру, висящую на подлокотнике ря-
дом с одеждой Александра Синяева.

— Василий, — позвал он. — У тебя тоже есть такая штука?

— Нет, — ответил кто-то из новых людей. — Я не знаю,
что это такое.

— Так, — удовлетворенно сказал Дорошенко. — На что жа-
луетесь?

— У них взорвался двигатель, — объяснил руководитель на-
учной группы Анатолий Толейко. — Он перенес без всякой за-
щиты несколько гиперпереходов.

Дорошенко извлек из своей бездонной сумки инструменты и
принялся за работу.

— Дышите, — говорил он, ощупывая Александра Синяева
руками, одетыми в белые резиновые перчатки. — Не дышите.
Откройте рот, скажите «а». Ага, сердце слева. Сделайте вдох.
Вы глубже не можете? Перевернитесь на живот. Ребра целы,
дыхательные пути в норме. Поднимите голову, сделайте выдох
и не дышите. Повреждений позвоночника нет. Не дышите, я
вам сказал. Покажите ладонь. Так я и думал. Печень функци-
онирует правильно. Пальцев на руке пять, как я и предпола-
гал. Я же вас попросил не дышать. Ладно, одевайтесь.

Он отошел от койки, укладывая в сумку предметы своего ме-
дицинского туалета.

— Патологических отклонений нет, — сказал он Монину.
Александр Синяев стоял уже одетый. — У него все в порядке,
если не считать небольшого головокружения. Вы сколько мо-
жете не дышать? — спросил он Синяева.

— А сколько нужно? — вопросом ответил Синяев. Люди по-
чему-то заулыбались.

— В общем, он вполне здоров. А эту штуку, — Дорошенко
показал пальцем на пустую кобуру, — отдайте экспертам. Все,
до свидания.

Он вышел.

— Действительно, — сказал Василий, дюжий парень, очевид-

но, тоже пилот, которого Александр Синяев раньше не видел, но которого узнал по голосу. — Зачем вам эта вещь?

— Это кобура, — объяснил Александр Синяев. — Из-под пистолета.

— А что такое пистолет?

— Василий, — укоризненно сказал Монин. — У меня тоже есть пистолет. Я дам тебе как-нибудь пострелять.

— А куда делся ваш пистолет?

— У меня его никогда не было, — объяснил Александр Синяев. — Зачем же мне пистолет?

Люди снова заулыбались. Александр Синяев еще раз ошибся, но они этого опять не заметили.

— Товарищи, — сказал руководитель научной группы Анатолий Толейко. — Мы, по-моему, забыли о деле. Нам надо поесть и заодно обсудить план высадки.

— Без меня, — сказал Монин. — А вы, Николай?

Бабич пожал плечами.

— Я на вахте.

Александр Синяев и остальные люди гурьбой вышли из рубки, оставив там Монина и Бабича. Насколько он понимал, все направлялись в кают-компанию. Его коллега Василий шагал рядом и задавал вопросы, как на экзамене. Александр Синяев отвечал по возможности лаконично, чтобы не наделать новых ошибок.

— Как вы поступаете, когда при заходе на посадку на вас налетает смерч? — спрашивал Василий.

— Сажусь.

— А если отказывает шасси?

— Планирую на днище.

— А если корпус поврежден?

— Тогда смерч сажает меня сам.

— Товарищи, — сказал руководитель научной группы Анатолий Толейко. — Нельзя ли хотя бы здесь без этих идиотских тестов?

— Я уже все, — сказал Василий. — Мы уже прекратили.

Позже, в кают-компании, Александр Синяев отчетливо слышал, как он сказал, наклонившись к соседу, еще одному их коллеге:

— Это пилот высочайшего класса. Он ответил на самые каверзные вопросы.

Людей за столом было много, все они что-то ели, и Александр Синяев мог спокойно приглядываться к ним и прислушиваться к их разговорам. Руководитель научной группы Анатолий Толейко, сидевший недалеко от него, беседовал со своим помощником, который специально выбрал место напротив.

— Кого же пошлем все-таки?

— Как обычно.

— А нового?

— Он, наверное, устал. И вообще, ему сейчас не до этого.

— Вот и пошлем, чтобы отвлекся.

— Пусть выспится.

— А потом пошлем.

— Как хотите. Только вряд ли он согласится.

— Согласится.

В середине этого содержательного разговора Александр Синяев повернулся на толчок слева. Сосед требовательно смотрел на него, заросший, длинноволосый, облаченный в разноцветное одеяние.

— Дай порцию перца, — попросил он. — Пожалуйста, дай.

— Что?

— Диссонанс, — объяснил он. Александр Синяев передал ему требуемое.

— Не удивляйтесь, — сказал другой сосед, справа. — Привыкнете. Это Костя Космопроходческий, поэт-авангардист.

Но Александр Синяев не успел выяснить, зачем нужен поэт в экипаже звездолета дальнего следования, потому что в кают-компании появился штурман Бабич. Несколько минут он стоял у входа, разыскивая кого-то глазами. Потом его взгляд упал на нового пилота-инструктора, и он чуть заметно кивнул.

Александр Синяев поднялся со своего места.

Когда они вошли в затемненную рубку, там был только Мониин. Он указал пилоту на кресло рядом.

— Мы находимся сейчас в пустом пространстве, между галактическими рукавами, — сказал Мониин. — Но здесь есть оазис — темное солнце и несколько темных планет. Толейко собирается послать туда своих планетологов.

Мониин сделал паузу. Штурман Бабич уже сидел в своем кресле, невидимый в темноте. Александр Синяев смотрел на экраны. Да, корабль находился в звездной пустыне, в пустоте между спиральными ветвями Галактики. И поблизости действительно был черный оазис. Но не очень далеко от «Земляники» в пространстве было что-то еще. Александр Синяев пока не знал, что это такое.

— Ежегодно Земля посылает несколько десятков таких экспедиций, как наша, — сказал Мониин. — Задачи экспедиций, грубо говоря, одинаковы. Все они исследуют звезды и планеты. И жизнь, если повезет. Но каждая экспедиция имеет еще и сверхзадачу, истинную цель, не внесенную ни в один план. Часто это контакт.

Звездолет окружали мрак, тишина и недвижность. Но Александр Синяев уже понял, что закрывало звезды прямо по курсу.

— Для нас это поиск больших животных, — сказал Мониин. — Размером с планету.

— Вы уверены, что такие существуют?

— В природе существует все, — сказал Мониин. — Во всяком случае, все, что мы можем вообразить. Мир слишком велик, чтобы было иначе.

— Но зачем вам такие животные?

— Создавая их, природа должна была столкнуться с проблемой передачи нервных импульсов. При таких размерах для достаточно быстрой реакции может не хватить скорости света. Нас интересует, как природа обошла возникшую трудность. Возможно, это подскажет нам новые принципы связи.

Александр Синяев ничего не сказал. Он уже все понял.

— Нам пужен пилот, — продолжал Монин. — Я упоминал, что Толейко готовится к высадке. Планет здесь больше, чем пилотов на борту «Земляники». Толейко не даст мне ни одного. А у нас с Николаем такое впечатление, что мы нашли. Нашли то, что искали.

— Вы ошибаетесь, — сказал Александр Синяев. — Вы нашли другое.

— Что вы имеет в виду?

— Предмет прямо по курсу, — сказал Александр Синяев. — Это корабль.

— Корабль? — переспросил Монин. — Признаться, у нас с Николаем тоже возникла такая гипотеза. Но подождите. Как вы догадались, что впереди что-то есть? Ведь вы не прослушивали бортжурнал!

— Там не хватает звезды, — сказал Александр Синяев.

— Удивительно, — сказал Монин. — По-моему, там их слишком много. Не правда ли, Николай? Но ладно. Будет смешно, если я стану вас уверять, что впереди ничего нет.

— Почему вы думаете, что это корабль? — спросил штурман Бабич. — На нем нет никаких огней.

— А зачем огни? — спросил Александр Синяев.

— Но есть же определенные правила, — сказал Монин. — Устав, наконец.

— И вы думаете, что все должны ему подчиняться?..

— Все? — повторил Монин. — Но почему бы и нет? А сами вы как считаете?

— Земному уставу?

— Вы хотите сказать, что этот корабль не наш? — грозно произнес Монин. — Вы хотите, чтобы я поверил, что этот корабль — чужой? Что мы запросто, в обычном рейсе, встретили неземной звездолет?..

Александр Синяев ничего не сказал. Все шло как надо.

— Но почему обязательно звездолет? — спросил штурман Бабич. — Почему не какой-нибудь астероид?

— В черных оазисах не бывает астероидов, — сказал Александр Синяев. — Но зачем спорить? Пощупайте его локатором.

— Остается подчиниться, — сказал Монин. — Как вы считаете, Николай?..

Глава 2. ПРОФЕССИЯ

Пилот-инструктор, командир десантного катера Александр Синяев полулежал в кресле перед приборной панелью и глядел на незнакомые, но и не слишком сложные индикаторы. Штурман Бабич устраивался за его спиной, на месте наблюдателя; никак не мог управиться с застевками привязной системы. Бабич, похоже, был бы от приключения в полном восторге, если бы не мешало возмущение действиями спасенного пилота. Разругаться с безобидным стариком Мониным! И кто это делает? Человек, только что подобранный в безысходной, казалось бы, ситуации! Что он предпринимает, едва успев отдышаться? Учиняет скандал! А Бабичу-то это спасение показалось сначала загадочным и романтическим. Сверхъестественное предчувствие и все такое. Романтика! Но настоящая романти-

ка, как выяснилось, началась чуточку позже. Правда, не натолклись они на этого субъекта, вылазку, пожалуй, пришлось бы все-таки отменить. Во-первых, некому было вести катер. Пилот — профессия дефицитная. Потом никто бы не догадался, что встреченный предмет — чей-то корабль. Посчитали бы за астероид. Чужой корабль, надо же! Но зачем делать вид, что всю жизнь ты только и лазал по чужим кораблям? Только этим будто и занимался! Ну угадал один раз, бывает. Так и скажи, зачем же разводить демагогию?! Он, видите ли, против Бабича, против его участия. Почему? Якобы опасно. Опасно! Чтобы все лавры, значит, ему. Он один умный, остальные дураки. Хорошо еще, Монин мужик обстоятельный, на шантаж не поддался. Объяснил новому, что есть что и кто есть кто. Требовать от него, от штурмана высшего класса Бабича, беспрекословного подчинения! Тоже начальник выискался! Это мы еще поглядим, кто кому будет подчиняться. Нас, видите ли, могут обстрелять противометеоритные устройства корабля! Но кто сказал, что есть такие устройства? Кто сказал, что корабль мертв? Кто сказал, наконец, что ему действительно миллиард лет?..

— Не распаляйтесь, — попросил Александр Синяев. — Думайте как угодно, а слушаться вам придется. Я назначен официально, приказом по звездолету. Монин подписал его при вас. Поберегите нервы. Когда мы доберемся до мзста, они еще пригодятся. На чужих кораблях бывает по-всякому.

— На чужих кораблях!.. — повторил человек за спиной Александра Синяева. — Но что вы можете о них знать? Ведь с ними до нас никто никогда не встречался! Никто! Мы первые! Первые! Неужели не понимаете?!

Катер лежал на месте, в самом начале пускового канала, словно торпеда, готовая к пуску. Ангар не был пока изолирован от внутренних помещений «Земляники», и в голове Александра Синяева шумели человеческие голоса.

Штурман Бабич, наконец, немного успокоился и покончил со своими застывками. Вакуумные присосы люка глухо чмокнули, отделив ангар от внутренних помещений. Шум голосов исчез. Далеко позади лязгали запоры, задраивались переборки, выравнивалось давление. Впереди открывался пусковой канал. Ангар, бывший только что одним из отсеков «Земляники», оказался теперь снаружи, по ту сторону толстой брони высшей защиты. Магниты мягко толкнули катер к выходу. Штурман Бабич заворочался, поудобнее устраиваясь в кресле и с вызовом глядя на затылок пилота, загораживающий ему пульт управления. «Первые! — думал он. — Самые первые! Тысяча километров для нас, сто лет прогресса для человечества. Куда тебе это понять!»

— Напрасно вы так себя настраиваете, — осторожно сказал Александр Синяев. — Сколько, по-вашему, во вселенной брошенных звездолетов?

— Ну и сколько же?..

— Очень много. Неимоверное количество.

— Потрясающе точная цифра! — восхитился Бабич. — Плюс-минус бесконечность!..

— Цивилизации гибнут, корабли остаются, — спокойно продолжал Александр Синяев. — Если планета строит их всего тысячу, то среднее расстояние между звездолетами уже на порядок меньше расстояния между цивилизациями; если миллион — то на два порядка. Все они, как правило, давно пережили хозяев.

— Перестаньте, — поморщился сзади Бабич. — Теория и практика разные вещи. Что вы знаете? По-моему, ничего.

— Зачем знать? Все и так очевидно. Нельзя отрицать, что звездолетов во вселенной множество и в основном это пустые, брошенные машины...

— Посещать которые очень опасно, — подхватил Бабич.

— Именно по этой причине, — сказал Александр Синяев, — вы, видимо, и прихватили свою пушку?..

Бабич рефлекторно поправил на поясе пистолет, выданный Мониным под расписку, но не ответил. Возмущаться уже не было ни сил, ни желания. Подумал только, что пилот, очевидно, вдобавок злитя на него из-за пистолета. Ничего, пусть позлитя. Официально назначенный! Генерал без шпаги ты — вот кто. Человек с пустой кобурой...

— Вы хоть стрелять-то умеете? — поинтересовался Александр Синяев.

«Уж получше тебя!» — подумал Бабич, но вслух ничего не сказал. Пилот на работе, не стоит его отвлекать. Потом, в чем-то он прав: побережем нервы. Взаимно. Пускай делает свое дело...

Пока что, правда, работали автоматы. Экраны все еще оставались слепыми. Катер, уже без ускорения, медленно шел на выход по невидимым рельсам магнитного поля. Александр Синяев чувствовал, как спереди надвигается выходное отверстие и как с такой же неотвратимостью их нагоняет бесплотная лапа толкателя.

Катер вырвался наружу.

Кругом был мрак, но глаза, привыкшие к темноте, уже различали мелкую звездную россыпь на экранах кабины. Почти во всю заднюю полусферу зияла продолговатая яма — черный силуэт «Земляники». Тень звездолета медленно сжималась к центру экрана.

Александр Синяев молча смотрел вперед. Там, на фоне плотного звездного поля, возникло круглое черное пятно. Тень «Земляники» потерялась за кормой. Тень чужого росла. Не в центре экрана, а чуть сбоку. Ничего, дело поправимое.

Александр Синяев ощутил спиной кресло. Катер сильно тряхнуло. Его магнитные искатели нацупали цель, и ракеты подправили курс. Тень чужого росла, переместившись в центр экрана. Катер мчался безмолвный, как магнитная торпеда в борт океанского лайнера.

— И почему молчат ваши метеоритные батареи?..

Александр Синяев не ответил. Он внимательно смотрел вперед, но все там было спокойно. Он физически ощущал, как катер обволакивает тормозным полем. Да, они были магнитной торпедой, только со знаком минус. Россыпь звезд на экранах крутнулась. Катер развернулся кормой вперед. Готовясь к встрече, умная машина заботилась о пассажирах.

И снова Александр Синяев ощутил свой вес. Его плотно жимало в кресло. Тормозное поле почуяло массу чужого.

— А как мы попадем внутрь, по-вашему? — не надеясь на ответ, спросил Бабич.

— Через дверь, надо полагать, — сказал Александр Синяев. Черная тень чужого звездолета заслонила уже всю переднюю полусферу. Катер тормозил, приближаясь к цели.

— Вот так. А теперь так. Видите, как все просто? — произнес штурман Николай Бабич, очень довольный собой. — Эти штуки называются магнитные якоря. Теперь никуда он не денется. Но я, признаться, не понимаю, как вы можете кого-то учить, не зная таких элементарных вещей.

— Ну теперь-то я их уже знаю, — примирительно сказал Александр Синяев.

Облаченные в легкие скафандры, они стояли в центре плоской равнины, тускло сиявшей светом далеких звезд. Чужой звездолет был громаден. Рядом с ними чернел высокий силуэт десантного катера, окаймленный ходовыми огнями. Катер благодаря познаниям штурмана был сейчас надежно пришвартован к гладкому металлу. Люди стояли рядом с катером, прочно привязанные магнитными подошвами к поверхности чужого корабля. Судя по всему, он принадлежал древнейшей галактической культуре Маб из центральных областей Галактики. Если так, он цуствовал уже много миллионов лет.

— Вы... ничего не чувствуете?.. — внезапно спросил Бабич. Александр Синяев понял. Он знал, о чем Бабич пытается сейчас думать: о том, как почетно первыми из людей ступить на борт чужого звездолета, построенного неизвестно когда; о том, что новый пилот оказался кругом посрамленным, особенно с этими магнитными якорями; о других столь же приятных вещах. Но ни о чем таком Бабич думать не мог, хотя и пытался: все его мысли тонули в беспричинном, казалось бы, страхе.

— Мне кажется, из какой-нибудь щели вот-вот полезут... чудовища, — тихо говорил Бабич. — Да, чудовища. Так почему-то мне представляется. Здесь живут чудовища, а не люди. Омерзительные, хищные, страшные. Всякая ерунда лезет в голову...

— Ничего, скоро пройдет, — успокоил штурмана Александр Синяев. Он-то хорошо знал — так, конечно, и будет, но теперь, после слов спутника, ему уже тоже слышались отголоски зова внутренней биосферы, ослабленного толстой броней корабля. — А вот щель бы и вправду хорошо отыскать. Впрочем, скорее она найдет нас сама.

Осторожно переставляя магнитные башмаки, он пошел прочь от стоящего вертикально катера. Бабич последовал за ним. Два ярких пятна бежали впереди: прожекторы катера указывали дорогу. Люди брели куда-то среди темноты и безмолвия...

— Где катер? — крикнул вдруг штурман Бабич. Александр Синяев тряхнул головой. Их окружала тьма. Исчезли ходовые

огни, обозначающие силуэт катера; бесчисленные звездочки Млечного Пути; их отражения в потускневшей от времени обшивке звездолета. Исчезло, казалось, все... Но пет — все оставалось на месте. Это люди перенесли в недра звездолета, построенного кораблями древнейшей галактической культуры.

Привыкнуть к гипершлюзованию невозможно. Александр Сипяев отлично знал его механизм, тем не менее секунду растерянно озирался, не понимая, что произошло.

Глаза зажмурились от яркого белого света, но спустя мгновение снова открылись. Два человека стояли в тамбуре звездолета, и он принадлежал культуре Маб. Так гласила надпись на древнегалактическом языке, опоясывающая тамбур. Приводились и другие сведения, в том числе название корабля, но оно-то было совсем бесполезно: произношение затерялось в эпохах. Александр Сипяев при всем желании не мог воспроизвести его вслух, хотя и знал уже, как оно записывается древними символами.

Штурман Бабич молчал, растерянно оглядывая стены. Тамбур был очень велик, он ничем не напоминал тесные шлюзы земных космолетов. Уже много миллионов лет здесь не ступала нога разумного существа. Поэтому следовало держаться настороже. Природа не любит пустоты, и сквозь массивные переборки до сознания доносились беззвучные вопли жизни, обреченной на бессрочное заключение.

— Вы ошиблись, — сказал Бабич. — Разве корабль мертв? Смотрите...

— Я не утверждал, что он мертв, — осторожно сказал Александр Сипяев. — Звездолеты не умирают. Но экипаж ушел отсюда очень и очень давно.

Штурман Бабич смотрел на него с сомнением.

— Нас никто не встречает, — пояснил Александр Сипяев. — Значит, встречать некому. И не глядите так. Очень многие памятники культуры Маб великолепно сохранились.

— Культуры Маб? Что вы хотите сказать?..

— Это написано здесь. — Александр Сипяев показал на покрывающий стены орнамент. — К тому же их корабли легко узнать по внешнему виду.

— Перестаньте! — поморщился Бабич. — Вы же ничего не знаете! Даже того, насколько я счастлив! Мы все-таки первые здесь, хоть вам и не хочется этого! А если у вас разыгралась фантазия, то скажите, куда девались все эти люди?..

Несколько секунд Александр Сипяев молчал.

— Не люди. Разумные существа, так будет вернее.

— И почему же они погибли? Атомная война, как водится? Или даже взрыв Сверхновой?..

— Нет, — сказал Александр Сипяев. — Естественное вымирание. Биологические формы не вечны. Их губят мутации. Сначала вы копируете эталон, потом копии. Как далеко вы уйдете за миллион поколений? Причем необязательно в сторону улучшения...

Черные тени кружили далеко в коридорах, выжидая. В тамбуре ничего не было, в тамбуре было светло и чисто. Мощный

поток сжатого воздуха ворвался сюда перед появлением людей и вынес коридорную печишь в другие помещения корабля.

— Ладно, — с подъемом сказал Бабич. — Извините, я был не прав. Вы здорово придумываете, мне нравится. Что будем делать?

— Смотря что вы хотите. Для вас лучше всего возвратиться на «Землянику». Сейчас же. В конце концов, это приказ Монины, вашего командира. Провести разведку — и тут же назад.

— Приказ, вот еще! А вы?

— Мне нужно в рубку.

— Нужно?.. — повторил Бабич. — Не возражаю. Значит, идем в рубку.

— Не торопитесь, — сказал Александр Сияев. — У нас ничего нет. Единственный транспорт — ноги, и кулаки вместо оружия. А до рубки километров десять, из них пять по оранжевому поясу. Остальное — по темным тоннелям.

Штурман Николай Бабич положил ладонь на выданный Мониним пистолет.

— Почему вы все время хотите меня напугать? — усмехнулся он, окончательно принимая правила новой игры. — Оранжевые — прекрасно! Темные тоннели — великолепно! А преисподней здесь нет, случайно?..

— Ну разница не такая большая, — рассеяно сказал Александр Сияев. Он внимательно смотрел на стену, у которой они стояли. Потом, найдя нужную точку, толкнул в нее кулаком.

Стена расступилась.

Мгновение спустя штурман Николай Бабич уже рвал из кобуры пистолет.

В трех шагах от людей, в нише, обнажившейся на месте пропавшей стены, стояло чудовище. Похожее на дракона или даже на гигантское насекомое — высоко над ядовито-зеленым цилиндрическим телом вздымались сочленения сильных ног, почти сложенных пополам. Их было шесть; они вшивались в гладкий металлический пол круглыми плоскими присосками. Чудовище протягивало к людям зубастую крокодилью пасть на длинной, вытянутой вдоль пола шее. Нет, не пасть — скорее широкую разинутую клешню. Седьмую конечность, выставленную вперед, как манипулятор подводного аппарата..

А голова была у него дальше, глазастая и безротая, нераздельно слитая с корпусом.

Пилот-инструктор Александр Сияев ждал. Прошло две секунды, чудовище не шелохнулось. Бабич справился наконец с кобурой... но тут же опустил пистолет.

— Механизм?.. — почти разочарованно выдохнул он.

Александр Сияев молча кивнул. Членистоногий механизм оставался недвижимым; значит, что-то в нем неисправно. Тогда человек шагнул вперед, обошел мертвый механизм, открыл багажник, извлек оттуда два тяжелых лучевых пистолета и протянул один Бабичу.

— Возьмите. А монинскую игрушку можете выбросить.

Потом человек опустил лучемет в свою пустую кобурку и достал из багажника инструменты.

Глава 3. ПРИЗВАНИЕ

— А теперь так, — сказал Александр Синяев. Могучая клення механизма плавно сомкнулась, его суставчатые ноги медленно распрямились, подняв цилиндрическое тело на высоту второго этажа, согнулись, опять выпрямились. Казалось, механическое чудовище разминается, делает приседания. Александр Синяев аккуратно уложил инструменты в багажник и вышел из ниши в просторный тамбур, вытирая перчатки платком. Механизм втянул манипулятор под корпус и, как большой дрессированный зверь, последовал за ним волнообразной походкой, попарно переставляя конечности.

Александр Синяев положил руку на плечо Бабича. Тот, во все глаза глядевший на механизм, который ожил вопреки всему, вздрогнул от этого прикосновения. Механизм остановился перед людьми, повернувшись к ним боком и подставляя спину, обтянутую гладкой зеленой пленкой.

Минуту они молча смотрели в глаза друг другу. Потом Александр Синяев отнял руку, шагнул к механизму, оперся на его вздыбленный сустав, оттолкнулся ногой от пола и взлетел, как в седло. Теплая зеленая поверхность прогнулась по форме тела. Механизм мелко вибрировал, готовый нести Александра Синяева куда угодно — хоть на край света.

Александр Синяев смотрел на Бабича, мысленно прощаясь с чем-то, так и не состоявшимся. Встреча с человечеством, внезапно реализованная, оказалась чересчур кратковременной. Что делать — такова жизнь.

— А я? — сказал наконец Бабич.

— Вы? Теперь я могу только советовать. Возвращайтесь на «Землянику».

— Без вас?

— Без меня. Я объясню, как вернуться к катеру.

— Вы считаете, это будет по-товарищески?

— По-товарищески? — повторил Александр Синяев. — Не знаю. Но иначе вы рискуете не вернуться совсем. Во всяком случае, Землю вы скорее всего потеряете. Потеряете навсегда.

Механизм под Александром Синяевым нетерпеливо перебирал длинными ногами, торопясь вырваться на свободу. Человек ждал. Ему вдруг стало мучительно от мысли снова остаться наедине со всем, что его ожидало. «По-товарищески»... Места на спине механизма было достаточно. Александр Синяев ждал решения Бабича.

Некоторое время тот стоял неподвижно. Два пути, и такие разные. Отказаться от Земли? Нет, никогда в жизни.

— Прощайте, — сказал Александр Синяев. И вдруг Бабич, перестав думать, неловко вспрыгнул на спину механизма позади Александра Синяева.

— Нет, — сказал он, — я с вами. Вы меня обманули, я человек, а не буриданов осел. Перед человеком только одна дорога...

Он замолчал. Механизм под ними пританцовывал от нетерпения.

— Ну что ж, — сказал Александр Синяев, обернувшись через плечо, — спасибо. — Он посмотрел на лучемер в руке Ба-

бича. — Пока можете спрятать. В коридорах он вам не понадобится.

— А потом? — спросил Бабич, убирая оружие в кобуру. Пистолет, выданный Мониным, сиротливо лежал возле стены.

— Я уже говорил. Экипаж покинул корабль, но жизнь осталась. Даже на древних парусниках жили тараканы, крысы и прочее. Микробы, бактерии... А здесь есть и оранжереи — но это не заповедник флоры и фауны минувших эпох. Здешняя жизнь миллиард лет развивалась свободно, без всяких помех. Биосфера — а здесь внутри целая биосфера, — отрезанная от космоса слоем брони, становится уродливой, хищной, недоброй. Эволюция на больших кораблях делает такие зигзаги, что встречаться с ее продуктами нежелательно. Обычно это страшная жизнь. Вы были правы — здесь живет чудовища, Николай.

Медленно разгоняясь, они вынеслись в ночь коридоров. Механизм, выставив уродливую клешню, набирал скорость, его корпус приподнялся до уровня сочленений, конечности мелькали все чаще. Но ход его оказался неожиданно плавным, будто он мчался над ровным асфальтом на воздушной или магнитной подушке...

Голова механизма испускала слабое сияние, и кое-что было видно в его неверном и призрачном свете. Вогнутый пол тоннеля был чистым и полированным, но стены и потолок усеивали пятна мохнатой растительности, свет иногда отражался в чьих-то кристаллических глазах, путался в сплетениях лап, играл на изогнутых челюстях... Механизм бежал все быстрее, из-под его ног то и дело шарахались жуткие черные тени, упругие паутинные сети с треском лопались под вытянутым во всю длину манипулятором, а мохнатые пятна, чередуясь на стенах, складывались в гипнотизирующий узор, манивший дальше, вперед.

Коридор был овальной в сечении трубой, он чуть заметно загибался вниз, повторяя внешний обвод борта. Что-то пищало, щелкало, шелестело жесткими крыльями, и черные тени бежали из-под ног механизма. В мохнатых наростах на стенах сверкали фасеточные глаза: казалось, вся местная живность следит за гонкой доселе невиданных чудищ.

Большая темная масса оторвалась от потолка далеко впереди и теперь медленно падала, блестя фосфорическими глазами, растопырив острые когти, целясь серповидными жвалами. Механизм, не снижая скорости, толкнул хищника манипулятором, как бейсбольной битой, потом, высоко подбросив одно из коленей, панес ему тяжелый удар суставом. Панцирь нападавшего треснул, фонтан вязкой жидкости обрушился на шлемы скафандров, но, когда она достигла пола, механизм был уже далеко от места стычки. Темноту озарили молнии — это Александр Синяев двумя точными выстрелами снял со стены еще двух таких же монстров, готовых к прыжку. В следующее мгновение их тела остались далеко позади. А впереди уже появилось светлое пятно — окончание коридора.

— Внимание! — крикнул Александр Синяев.

Пятно света росло стремительно. Коридор кончился, и механизм предупредительно встал на дыбы, упершись передней парой конечностей и распрямив их во всю длину. Его вытянутое туловище изогнулось: передняя половина поднялась почти вертикально. Если бы не это, люди, ничем не привязанные к корпусу, наверняка полетели бы через головы; сейчас инерция сильно прижала их к спине механизма. Потом он медленно сложил передние ноги, опустил брюхо почти до пола. Александр Синяев спрыгнул с его спины, за ним Бабич. Они стояли перед матовой стеной, перегородившей тоннель поперек.

— Дальше пойдем пешком. Безопаснее. И, повторяю, не бойтесь. Все, что может случиться, не стоит нашего страха.

Два человека и механизм шагнули вперед. Матовая стена на миг обрела прозрачность и тут же совсем исчезла.

Потолок ушел вверх, на недосыгаемую высоту, стал голубым небом, по которому плыли редкие белые облака. Желтое солнце висело низко над темневшим вдалеке лесом. Вместо звонкого металлического пола под ногами оказалась мягкая почва, поросшая зеленой травой. В двух десятках шагов высились плотной группой пузатые пупырчатые растения трехметрового роста. Вокруг было тихо, стекла скафандров моментально затянуло тончайшей пленкой тумана.

Бабич, ожидавший чего-то другого, расхохотался.

— Это что, огурцы? — сказал он, вытирая шлем рукавом и показывая на пузатые растения. — Их, что ли, бояться?! Но смотрите...

Ближний к ним «огурец» незаметно деформировался. Один из его пупырчатых выступов рос пульсирующими толчками, вытягиваясь в зеленое щупальце, беспшумно ползущее к людям. Щупальце погрузилось в траву; теперь только она выдавала его перемещение, ленивое и, казалось, вряд ли опасное.

Александр Синяев внимательно смотрел на приближающееся к ним тонкое зеленое щупальце. Оно уже выбралось на открытое место, но скорости не прибавило. Ничего похожего он никогда не встречал.

— Все-таки вы, вероятно, боитесь, — сказал Александр Синяев. — Они здесь больше ни на что не реагируют, только на страх. У них не бывает других эмоций.

— Боюсь? — повторил Бабич и снял ладонь с рукоятки лучемета. Зеленый побег наткнулся на одну из присосок механизма, отвернул почти под прямым углом, и его конец приблизился теперь к башмакам Бабича. — Бояться какой-то лозы? — Он отодвинул назад правую ногу, которой почти коснулось тонкое щупальце. — Пусть даже быстрорастущей. Да я... — И он презрительно пнул зеленый побег.

В следующее мгновение Александр Синяев резко толкнул его в плечо и сам бросился рядом, ничком на траву. Раздался оглушительный грохот; несколько секунд они лежали, как под артиллерийским обстрелом. Над их головами визжал воздух, что-то летало там, глухо вонзалось в землю. Грянуло еще несколько взрывов, воздух снова наполнился свистом... Когда наконец канонада утихла и они подняли головы, пузатых расте-

ний на месте не оказалось, а все вокруг усеивали овальные зеленые предметы, видимо, весьма твердые: корпус механизма был покрыт вмятинами.

— Ого! — изумился Бабич.

— Вот что значит поднять здесь меч, — объяснил Александр Синяев, показывая на один из твердых зеленых предметов. Это была миниатюрная копия материнского растения. Пупырышки на одном ее конце вытягивались, шевелились, нащупывали землю, цеплялись за нее, исчезали между ее влажными комьями. «Огурец» дернулся, встал вертикально, немного пошатался и начал очень медленно, но прямо на глазах раздуваться. То же происходило и с остальными — а их были сотни. — Понимаете? Щупальце работает как детонатор, растение взрывается, а его потомство использует добычу — нас, например, — вместо удобрений. Но пошли, пока урожай не созрел.

Они двинулись к неподвижной стене леса. Механизм, прикрывая их спереди, слегка прихрамывал. В чистом небе над ними плыли курчавые облака. Солнце поднималось над лесом. Густая трава пружинила под ногами. Лес приближался. Он напоминал здесь заросли травы, большой гигантизмом. Стебли ее были толщипой в два обхвата, высотой метров сорок. Вверх от них отходили длинные узкие листья. И цветы размером с цветочную клумбу.

И какие-то существа, величиной с большую овчарку и тоже мохнатые, копошились в этих цветах.

Они медленно приближались к зарослям.

— Да это же... насекомые! — воскликнул вдруг Бабич.

— Верно, — кивнул Александр Синяев. — Культура Маб расцвела в те времена, когда во всей вселенной не было ни одного позвоночного. Только членистоногие.

— Так, значит... они не были людьми?

— Конечно. Просто разумные существа.

Бабич с сомнением глядел на животное, которое возилось в покое на ромашку цветке.

— И... кто же они были? Муравьи, термиты? Или, быть может, пчелы?..

— Нет, — сказал Александр Синяев. — Пауки. Очень большие разумные пауки.

Некоторое время оба молчали. Так, молча, они вошли под тень гигантской ромашки. Насекомое скрылось из их глаз, но метровый в диаметре стебель дергался, выдавая движения того, кто пил нектар паверху.

— Это была древняя культура, — сказал Александр Синяев. — Очень древняя. Потом настала эра пресмыкающихся — змей и драконов...

— Во всей вселенной?

— Да. Но она быстро завершилась.

— А как же... — начал Бабич, но Александр Синяев преврал его:

— Тихо!

Лес ожил.

Александр Синяев тихо потянул из кобуры пистолет. А сверху,

грозно гудя, на них уже пикировало что-то большое, тигровой окраски, наставив челюсти и копьевидное жало.

Они выстрелили одновременно.

Два слепящих луча сошлись на полосатом теле, как прожекторы, отыскавшие в полуночном небе неприятельский самолет, и он, дымя, тяжело врезался в землю... Потом раздался другой, лязгнувший звук, и они одновременно оглянулись и увидели чью-то треугольную голову с выпученными фасеточными глазами и дергающимися жвалами, падающую на землю, и механизм, вновь раскрывающий клешню манипулятора. Он стоял над поверженным чудовищем в позе победителя.

— Ладно, — сказал Александр Синяев. — Пошли, чего стоять.

И они двинулись через лес...

...А спустя два с половиной часа выходили на открытое место с другой стороны, и стояли на новой границе леса, и удалялись от него, едва волоча ноги: позади, прикрывая их тыл, гордо шагал механизм-победитель. Бабочка поддерживал Александра Синяева, потому что нога у того была повреждена в одной из многочисленных схваток, и они снова стояли у матовой стены, на этот раз темной, и вновь она расступалась, и они уже снова восседали на спине у своего механизма, и он плавно нес их по изогнутому тоннелю, и они уже не обращали внимания на бросающиеся прочь жуткие тени, потому что бег поглощал все. А еще через несколько минут перед ними возник тупик, но стена в его глубине уже расступалась, давая дорогу, и они, не снижая скорости, влетели в рубку.

Бабочка первым спрыгнул со спины механизма и помог спуститься Александру Синяеву. Лицо его, обращенное вверх, за стеклом скафандра откровенно светилось радостью.

— Это было великолепно, — произнес он. — Вам станет смешно, но я кажусь себе ясновидцем. Ведь я все это предвидел!..

Оказавшись внизу, Александр Синяев открыл багажник, достал оттуда пушистую щетку и принялся за скафандр.

— Что вы имеете в виду?

— Свою вахту, — объяснил Бабочка. — Монитор прав, выходить в пространство было рискованно. Но я почувствовал; что-то произойдет. Даже не так. Я понял, что если не выведу звездолет из подпространства, то не случится событие, которое могло бы произойти.

— Любопытно, — сказал Александр Синяев. Он уже очистил скафандр и передал щетку Бабочке. Тот продолжал:

— Мы оказались недалеко от планеты, но я не смотрел на нее. Я все время наблюдал. Что-то должно было произойти. Я совершенно не удивился, когда увидел вашу капсулу. Я просто понял, что предчувствие не обмануло меня, будни кончились и началось приключение.

— Значит, вы все-таки любите приключения? — рассеянно спросил Александр Синяев, укладывая щетку на место. Невидимые лапы захватов приподняли неподвижный уже механизм и спрятали в стену. Даже сейчас, в сложенном состоянии, рубка корабля Маб была почти такой же просторной, как там-

бур. Александр Синяев скользнул взглядом по стене, скрывающей механизм от их глаз, повернулся и зашагал к пульту управления. Бабич догнал его.

— Кто же их не любит? — сказал он. — Поймите, я десять лет был штурманом дальнего следования. В детстве такая работа казалась мне чуть ли не верхом романтики. Я ошибался. Теперь я иногда завидую ученым из группы Толейко. Они где-то высаживаются, что-то исследуют. Хотя и это рутинная, все планеты похожи. Но мы — просто извозчики. Космос, как вы знаете, пуст. А появление вашей капсулы приоткрывало дверь в новые, захватывающие миры.

— Почему же пуст? — начал Александр Синяев, но Бабич прервал его.

— Подождите. Ведь вы... Сначала я вам не поверил — ни единому слову. Версия об аварии — это для Толейко. Плюс ваша капсула — люди таких не делают. Потом, я просматривал справочник, — он говорил торопливо, будто боялся, что не успеет. — Я отыскал вашу фамилию. Двое, муж и жена, пропали без вести очень много лет назад. При невыясненных обстоятельствах. Это случилось слишком давно. Следовательно...

Их взгляды встретились через двойное стекло шлемов. Бабич запнулся, но продолжал:

— Потом я забыл это чувство. Мне стало обидно, что вы не захотели меня взять. Но теперь оно вернулось. Я не знаю, кто вы такой. Я не знаю, откуда вы появились. Из будущего, из параллельного мира, откуда-нибудь еще. В любом случае я счастлив, что дверь приоткрылась. И если бы я мог хоть раз взглянуть туда, где я вас подобрал...

— Бросьте, Николай, — сказал Александр Синяев. — Вы сами знаете, там никого не было. Главное — ваше предчувствие. Из будущего поступает непрерывный поток информации, но немногие, и очень редко, могут его принимать...

— Родина творчества — будущее, — процитировал Бабич.

Оттуда доносится ветер богов слова... Это Велимир Хлебников, русский поэт двадцатого века...

Некоторое время они шагали молча, пока не остановились около пульта управления. Бабич рассматривал его с восхищением. В нем проснулся профессионал.

— Как все сложно! — воскликнул он наконец.

— Наоборот. Их космонавты предпочитали максимально простые решения.

— И вы знаете, как им пользоваться?

— Мне известны далеко не все функции этого многоцелевого устройства, — признался Александр Синяев. — Но кое-что я умею. Что вас конкретно интересует?

Угадать ответ не представляло труда.

— Ну, видимо, навигационные задачи. Я же все-таки штурман...

— Нет ничего проще, — сказал Александр Синяев.

Он коснулся крохотной сферы, приклеенной к лицевой стене над сиреневой полосой привода экстренной связи. Стена вместе с пультом немедленно отодвинулась от людей, пол ушел из-

под ног, и помещение рубки приняло форму громадного шара. Они находились на равном удалении от всех стен, висели в воздухе, хотя у Александра Синяева оставалось четкое ощущение, что они стоят на полу, привязанные к нему магнитными подошвами. Стены рубки окутал мрак. Предмет, к которому прикоснулся Александр Синяев, раздулся, став глобусом метрового диаметра. Он лежал в воздухе перед ними, в геометрическом центре помещения. От него отделилась короткая сверкающая игла.

— Вы рисуете здесь какой-нибудь звездный пейзаж...

Александр Синяев прошелся иглой по поверхности глобуса. На стенах рубки, против точек, к которым он прикасался, загорались звезды. Он ограничился сотней покрупнее и кое-где пририсовал пятнышки туманностей. Бабич молча следил за этими манипуляциями.

— Я набрал небо района, куда мы собираемся переместиться, — объяснил Александр Синяев. — Теперь следует сделать так.

Он ударил по глобусу ребром ладони, активируя двигательную систему. Рука отскочила, как от мяча, а глобус уже слабо пульсировал, и светлые точки на его поверхности медленно гасли. И так же медленно тускнел рисунок созвездий на черных стенах рубки.

— Вот и все, — сказал Александр Синяев. — Как видите, очень просто.

— Где мы теперь находимся?

— На прежнем месте. В двух мегаметрах от «Земляники».

Бабич выглядел разочарованным.

— Почему?

— Такого неба нет, — объяснил Александр Синяев. — По крайней мере, на Млечном Пути.

Бабич молчал. В его глазах была просьба. Отказать было невозможно. Александр Синяев передал ему иглу.

— Тренируйтесь. Может быть, пригодится.

Раза четыре Бабич ткнул глобус, регулируя силу нажима. После удара шар каждый раз начинал пульсировать, и небо над ними гасло — жуткое, дикое небо с одной заблудшей звездой.

Потом Бабич начал старательно выкалывать звездный небосвод. Александр Синяев сразу его узнал. Это было то самое небо — разумеется, слегка искаженное.

Бабич ударил по шару, тот запульсировал, и звезды на стенах рубки снова медленно погасли.

Бабич посмотрел вопросительно.

— Что я сделал неправильно?

— Небо, — объяснил Александр Синяев. Все было естественно.

Бабич был там всего один раз, очень недолго, и неправильно передал рисунок созвездия Четырех Воинов. Кроме того, у него дрожала рука, и некоторые звезды получились переменными.

— Попробуйте еще, — предложил Александр Синяев. Бабич быстро заработал иглой. Когда он дошел до Четырех Воинов, Александр Синяев остановил его:

— А как же все-таки ваши товарищи? Как руководство?..
Бабоч отрицательно покачал головой. Тогда Александр Синяев молча скорректировал его руку, пририсовал сверху диск Дилавэра и ударил по шару ребром ладони.

Глава 4. МЕСТО РАБОТЫ

Глобус не шелохнулся. Звезды стали ярче. Кроме тех, которые были на стенах рубки, засветились мириады более слабых. Под ногами вспыхнул ослепительный диск Лагора, и крошечное пятнышко Дилавэра приобрело голубоватый оттенок.

Бабоч оглядывал стены рубки, превратившиеся в окна обзора.

— А можно приблизиться к планете?

— Конечно.

Александр Синяев наметил окружность вокруг пятна Дилавэра. Удар — и оно вросло в раздвинутые границы.

Бабоч взял иглу из рук Александра Синяева. Планета падала к ним, как купол парашютиста. Потом остановилась, закрыв небосвод, превратилась в пятнистую крышу. Облака громоздились над ними, как опрокинутые торосы. На дне прозрачных провалов синело зеркало океана.

Александр Синяев отобрал у Бабоча свергающую иглу и вложил ее на место, в висящий перед ними глобус. Он немедленно съежился, и рубка приняла первоначальный вид.

— Вы хотели приключений, — напомнил Александр Синяев. — Тогда поторопимся.

Они влетели на стартовую палубу. Десантные диски культуры Маб стояли рядами, как тарелки серебряного сервиза.

— Скафандры, — скомандовал Александр Синяев. — Больше они не понадобятся.

Они одновременно сорвали шлемы, и Бабоч закашлялся в душном воздухе звездолета. Александр Синяев надел кобуру и бросил скомканный скафандр в угол. Бабоч поступил так же.

Они лежали внутри диска, разделенные прозрачной перегородкой. Звездолет растворялся на фоне неба, прячась в защитном поле. Они стартовали без шума и перегрузок, и Александр Синяев закладывал крутое пике, уводя диск в облака.

Пике завершилось. Диск, как беззвучный призрак, мчался уже вверх, по восходящей ветви параболы, почти отвесно. Облака остались позади и в густой черноте на курсе блеснуло сооружение станции. Она выросла, темнея причальной трубой. Сбоку шевельнулись стволы лазерных батарей. Не для салюта, но все равно. Они проспали, слишком поздно пришли в движение.

Дело было сделано. Диск швартовался, а люди уже покидали эллинг, стараясь не греметь по металлу. Вскоре далеко впереди послышался звук, которого ждал Александр Синяев. Он потянул Бабоча в ближайшую нишу, под прикрытые тени.

Мимо прогрохотало — будто по коридору пробежало растя-

пудое метров на шесть десятиногое чудовище, обутое в подкованные сапоги. Пять солдат — скоро появятся и отставшие.

Они не заставили ждать. Еще один десятиногий отряд прогромахал в темноте, торопясь к причалу.

— Пошли, — скомандовал Александр Синяев, и они понеслись по звонкому полу, повторяя повороты тоннелей. Путь преградила стена. Александр Синяев нащупал рукоять лучемета и рванул дверь.

Их оглушил хохот. Прошло всего несколько часов, как человека вывели из аудитории, и сейчас здесь была перемена. Веселье шло полным ходом, сквозь сигаретный дым на классной доске просвечивали круглый контур корабля Маб и подробная схема атаки из-за угла, и опять на пороге стояли двое, грозя лучеметами.

И вповь никто не обратил на это никакого внимания. Всем было не до людей.

— Встать! — гаркнул Александр Синяев. — Смир-р-рно!

Это на них подействовало. Они, офицеры, знали, что командовать здесь может лишь генерал, и безропотно поднялись: встали все сразу, единой массой, еще сотрясающейся от смеха, но уже меняющей смех на страх под квадратными дулами лучевых пистолетов... Люди медленно шли вдоль стены, но никто уже не смотрел на них. Все выполняли приказ и стояли по стойке «смирно». А люди были уже вне поля зрения, они обогнули зал, их спины уперлись в стену — там, где был потайной люк. Не глядя, Александр Синяев сунул руку в замочную скважину. Внутри щелкнуло, люк повернулся, как турникет. Александр Синяев втолкнул в отверстие Бабича, окинул взглядом аудиторию и последовал за своим спутником.

За время отсутствия Александра Синяева здесь тоже не произошло существенных перемен. В большом квадратном окне светилась имитация городского пейзажа, кушетка была аккуратно застелена, дверь во внутренние отсеки плотно прикрыта, а Квилла и Дзанг, два робота-универсала с планеты Пьерри, похожие в профиль на карликовых тираннозавров, увлеченно играли в шахматы за низеньким столиком в углу. Человек сам когда-то обучил их этой игре, но вскоре стал для них слишком слабым противником.

Кроме них, в комнате присутствовал фантом. Сегодня он был Посланником Круга: сидел в кресле за рабочим столом, неестественно прямой и недвижимый, как изваяние.

Николай Бабич, увидев роботов и фантом — а тот только что материализовался, — остановился в нерешительности. Александр Синяев понял его реакцию. Роботы слишком напоминали доисторических ящеров; Посланник был гуманоидом, но, конечно, не человеком, он принадлежал к другой расе. Если, разумеется, можно характеризовать так фантом. Он мог принять любую внешность, но сейчас она была как у его партнеров с Кюсса в часы умственного труда. Щуплое тельце, неестественно длинные руки и ноги, низкий лоб, голый череп,

шерсть на лице и руках — его вполне можно было принять, например, за дьявола.

Впрочем, какое-то время назад именно такая внешность представлялась Александру Синяеву верхом совершенства. Что-бы осознать себя человеком, необходимо хотя бы немного пожить среди настоящих людей. Или, допустим, на Дилавэре...

Александр Синяев обошел Бабича и сел напротив Посланника.

— Откуда ты и с какими вестями? — церемонно спросил человек.

Квилда и Дзанг настороженно и одновременно повернули лица. Но, узнав голос Александра Синяева, вновь занялись шахматами. Глаза Посланника неторопливо открылись: черные, пронзительные глаза существа, привыкшего повелевать. Фантом всегда был таким во время сеанса связи.

— Я с вестями от Круга, — нараспев произнес он, не меняя позы. — И вести мои дурные. — Его взор, наткнувшись на непроницаемый взгляд человека, плавню обошел помещение и остановился на неподвижной фигуре Бабича. — Кто он и что он знает? Почему он здесь, куда проникают только изображения? Кто позволил тебе замкнуть Круг на аборигене?

— Это не абориген, Посланник, — твердо сказал человек. — Это мой соплеменник. Мы с ним одной крови. Я был приговорен и казнен, он спас меня от мучительной смерти. Лишь чрезвычайные обстоятельства заставили меня привести его. Сейчас он нуждается в отдыхе.

— Наша родина Круг, — нараспев произнес фантом. — Другого отечества нет. Но ты прав, пускай пока отдохнет. Не стоит ему слышать то, о чем мы здесь говорим.

— Не в этом дело, Посланник. Ведь он все равно ничего бы не понял.

— А если бы он запомнил? — возразил фантом. — Откуда нам знать, какая у него память? Пусть отдыхает.

Возразить было нечего: логика Круга абсолютна. Александр Синяев встал и подошел к Бабичу. Разговор шел в ускоренном темпе, и Бабич воспринял его так: Синяев скользнул к столу, они со странным существом, которое почему-то казалось бесплотным, обменялись непонятными репликами, и все закончилось.

— За мной, Николай. Вам пора отдохнуть.

Они вышли в смежную комнату.

Соседняя компата была на вид точно такой же, по в ее стенах прятались мощные установки гипнообучения. Александр Синяев помог Бабичу застелить постель, показал, где что.

— Ничего не бойтесь. Я все объясню потом. Сейчас ложитесь и ни о чем не думайте. Когда проснетесь, вы будете знать гораздо больше, чем теперь. Спокойной ночи.

Он ободрающе улыбнулся и вышел. Роботы невозмутимо продолжали партию. Посланник ждал человека. Его глаза смотрели равнодушно и повелительно.

— Раскрой уши и память, — произнес он нараспев. — Внемли и повинуйся.

И человек приготовился слушать.

Новости были действительно неприятные. Во-первых, станция охвачена боевой тревогой. Весь наличный состав мобилизован на розыски оборотней-диверсантов, которые атаковали ее некоторое время назад, перебили половину команды и скрылись с десятком заложников. И хотя после корректировки эта информация превратилась в невинное сообщение о возвращении Александра Синяева, объективно она существовала: коррекция не распространилась на персонал станции. Во-вторых, пост у Хребта Исполинов раскрыт, в ближайшие часы можно ожидать штурма. А главное — Круг отзывал человека.

План Круга менялся. Предписывалось собрать и упаковать имущество — все имущество — и провести его полную эвакуацию. Дальнейшие инструкции будут сообщены позже, в надлежащем месте и в надлежащее время.

Причина всей этой поспешности была проста: дальнейшее Внедрение на планету потеряло целесообразность.

— Но я работал исключительно с техникой Маб, — сказал человек. — Какое дело мне до Внедрения?

— На каждом круге два направления, — произнес фантом. — Ты работал с техникой: ты вернул в строй и заселил космическую станцию, ты починил машину для предсказаний в Талассе. Но одновременно ты представлял здесь Круг; Круг замыкался на Дилавэре, и планета была одной из его бесчисленных точек. Теперь она перестала быть ею; решено отсюда уйти.

— Все точки Круга равны, — сказал человек, внутренне закипая. — Но обижаться на фантом бессмысленно — сейчас он не личность, а всего лишь посредник. Что толку злиться на телефон? Каждое следствие имеет массу причин, Посланник. Где они, эти причины?

— Во-первых, тебя раскрыли... — начал перечислять фантом.

— Но об этом никто не знает! — возразил человек.

— Об этом знаю я, — величаво произнес фантом. — Следовательно, многие в Круге. Раскрыт пост у Хребта Исполинов, и в Круге об этом знают все. Но план изменен задолго до рождения этой информации. Таласское предсказание признаю достоверным; нашествие неминуемо.

— Но я знал об этом всегда, Посланник. Именно поэтому я готовлю Дилавэр к самозащите.

— Твоя миссия признана нецелесообразной, — продолжал фантом. — Ни один из близких миров Круга не способен оказать помощь. Опыт Круга гласит, что противиться нашествию невозможно. Оно неотвратимо. Никто не пойдет на бессмысленные расходы ради планеты, уже не входящей в Круг.

— Я потратил несколько лет на подготовку местного населения, — возразил человек, хотя понимал, что дискуссия бесполезна. — Нам поможет наследие Маб. Я почти закончил цикл обучения.

— Мощь десанта из прошлого безгранична, никто не справится с ней. И теперь ты раскрыт, ты приговорен и казнен. — Человеку показалось, что на тонких губах фантома мелькнула презрительная усмешка. — Так что Круг замкнут. Помни —

разорвать его не дано. Вошедший в Круг раздвигает его пределы, но не выходит из них. Лишь план Круга служит ему маяком.

«Но каждая экспедиция имеет еще сверхзадачу — истинную цель, не внесенную ни в один план», — вспомнил вдруг человек. Повелительные глаза Посланника закрылись. Но он не исчез, оставался в кресле, по-прежнему прямой и неподвижный, как изваяние. Следовательно, сеанс не был закончен. Фантом снова открыл глаза. Да, сеанс продолжался.

— Круг должен знать о твоём контакте, — властно произнес он, по-прежнему не меняя позы. — Главное — координаты. Круг всегда интересовала родина твоих предков.

— Что я могу рассказать? — спросил человек. — Я почти ничего не знаю, Посланник.

— Ты был спасен от мучительной гибели, — произнес фантом. — Значит, ты был участником встречи. Следовательно, ты знаешь все. Раскрой память и развяжи язык. Когда информация становится объективной, Круг расширяется.

— Мне нечего рассказать, Посланник. Меня подобрал их корабль. Потом он последовал дальше, я вернулся сюда. Встреча состоялась здесь, близ Дилавэра.

— И это все, что может заинтересовать Круг? Вся объективная информация?..

— Нет, — сказал человек. — Я пригнал звездолет.

— Чей?

— Маб, большого тоннажа.

Квилла и Дзанг, повернувшись, синхронно приоткрыли зубастые пасти, а в равнодушных глазах фантома появился вопрос, настолько понятный, что информация перешла в объективную форму еще до произнесения вслух.

— Корабль Роботов?..

— Нет, грузо-пассажирский лайнер, — сказал человек. — Но большого тоннажа, с оранжереей.

Последовала пауза. Шахматисты устремлённо усмехнулись и вернулись к любимому делу. Глаза фантома вновь стали холодными и повелительными.

— С оранжереей, — нараспев повторил он. — Включение техники прошлого лишь укрепляет Круг. Но как среагирует Дилавэр?

— Я спрятал корабль в маскировочном поле, — объяснил человек. — Правда, диск стоит здесь, в эллинге.

Последовала долгая пауза.

— Хорошо, — произнес фантом. — Законы стареют, Круг не стоит на месте. Но тот, кого ты привел? Что знает он о родине твоих предков?

— Вряд ли что-то существенное. Переход от одних координат к другим слишком сложен. Даже Круг не знает Галактики, что же может один человек?.. Если больше вопросов нет, я бы хотел отдохнуть.

— Хорошо, — произнес фантом. — Твоя информация будет проверена. И не забудь про Хребет Исполинов. Я приду и буду держать Мост. Наша родина Круг, и нет иного отечества.

Отвечать на традиционную формулу человек не стал, да это

от него и не требовалось. Фантом закрыл глаза, стал полупрозрачным, исчез совершенно. Тогда человек подошел к кушетке и лег не раздеваясь. Игроки продолжали переставлять фигуры, окружающее их мало заботило. Свет в комнате погас, кушетка заколебалась, воздух наполнили тихие колыбельные звуки. Но человек уже не слышал их — он заснул тотчас, лишь только голова его коснулась подушки. Заснул, стараясь не думать про завтрашний день.

День предстоял тяжелый.

В первом приближении станция представляла собой длинный толстый цилиндр, половину сердцевины которого — от центра до одного из торцов — занимала группа внедрения. Аборигены никогда не догадывались, кто живет под ними, и считали себя единственными обитателями и хозяевами станции. Кроме человека, внутренним люком никто никогда не пользовался — фантому не нужен люк. А человека на станции по ряду причин считали за своего. Так было до вчерашнего дня.

Сейчас все стояли снаружи, на тесной площадке на своем торце станции. Она, если не считать внутреннего люка, служила единственной коммуникацией, связывающей станцию с внешним миром. Здесь располагались шлюз, наблюдательный пост, антенны дальней космической связи. Никто из аборигенов не подозревал о существовании этой площадки. Столь непростую иллюзию поддерживал фантом — вернее, его партнеры на Кюссе. Они заставляли аборигенов считать, что диаметр половины станции меньше, чем в действительности, — ровно на поперечник сердцевины.

Сейчас станцию и предгорья Хребта Исполнилов связывала топкая, почти невидимая нить, оканчивающаяся в руках фантома. Он был в форме Держателя Моста и походил на трехметрового геркулеса. Надо было действовать. Дзанг взялся трехпальными ладонями за страховочное кольцо, оттолкнулся коньком от края площадки и помчался вниз, стремительно уменьшаясь. Его примеру последовал Квилла. Александр Синяев еще раз объяснил Бабичу, как пользоваться переправой, и тот тоже исчез внизу.

Когда все они растаяли в облаках, человек остался один на один с Держателем. Они поговорили о всякой всячине: человек рассказал о своих приключениях. Сеанс был не скоро, и информация никак не могла перейти в объективную форму. На добродушном лице гиганта появилась улыбка. Он любил, когда с ним разговаривают как с личностью, а не посредником.

Человек попросил его сделать себе оболочку, хотя это и так входило в обязанности Держателя Моста. Фантом заулыбался еще шире и облил человека силовым полем. Александр Синяев взялся обеими руками за нить, оттолкнулся правой ногой от края площадки. Облака сначала не приближались, были снежной равниной, сверкающей и неровной. Человека надежно прикрывало силовое поле, фантом держал его за сотни ки-

лометров. Человек летел в огне, как болид, тормозясь в атмосфере. Все заволокла мутная слякоть, потом воздух вновь стал прозрачным. Человек летел параллельно далекой земле, незаметно снижаясь. Над его головой скользили крупные облака.

Он опять его упустил — этот еще никем не пойманный миг, когда атмосфера становится небом.

Он опаздывал. Он мчался над скалами на высоте каких-нибудь десяти-пятнадцати метров, но с тех пор, как Дзаг пролетел в этом районе, прошло уже несколько минут. Станция совершала полный оборот вокруг планеты за три часа с небольшим; сутки планеты почти равнялись земным. Если бы человек задержался еще на минуту, он бы не успел перемахнуть через Хребет Исполинов и приземлился бы в горах, в сотне километров от места своего назначения.

Каким-то чудом он миновал последние скалы и очутился над ущельем, далекое дно которого зеленело сквозь синеву. Позади него нить легла на одну из вершин, связь с Держателем оборвалась, человек ощутил бешеный напор ветра, но продолжал движение по инерции к утесу поста, расположенному на другом берегу ущелья. Его белый зуб вырос над горизонтом. Человек пролетал сейчас над городом, вернее, небольшим селением, похожим отсюда на рассыпанную кучку детских кубиков. Именно отсюда шли те, кто хотел уничтожить пост. Если бы обитатели селения посмотрели сейчас вверх, они бы увидели человека. Но он летел уже медленно, без огня, его приняли бы просто за птицу.

Местность внизу опять начала подниматься. Человек миновал перелески, альпийские луга, добрался до кромки снегов. Внизу брели какие-то люди, направляясь к утесу. Он вырос впереди, как средневековый замок.

На краю обрыва стоял Квилла и улыбался. Он протянул трехпалую руку, и человек схватился за нее. Она была холодной, бескровной, чужой. Человеку снова стало мучительно.

Квилла втащил его на обрыв, как перышко. Некоторое время они плечо к плечу стояли над пропастью. Нить оседала. Квилла словно чего-то ждал.

— Твой соплеменник, — сказал он. — Он что, остался на станции?..

Глава 5. ОБРАЗОВАНИЕ

Он лежал в глубоком сугробе на сверкающем снежном склоне. Он был штурманом дальнего следования и только вчера покинул борт своего корабля. Иногда падают с самолета и остаются в живых. Но он не падал с самолета. Просто когда он летел над заснеженным склоном следом за чудовищами, похожими на людей, ему вдруг показалось, что он видит это во сне, и он отпустил страховочное кольцо. Но не проснулся, а упал вниз, как камень.

Его защитила плотная прозрачная оболочка, в которой он опускался сквозь атмосферу. Сейчас ее не было, под одежду проникал холод.

Николай Бабич встал и отряхнулся. Он упал приблизительно в километре от нижней кромки снегов. Склон здесь был пологий, но немного выше задирался неприступными скалами. Внизу зеленела долина, иногда сквозь туманную дымку там блестели стекла в окнах домов. Он снова посмотрел вверх. Утесы высились над ним, как дворцы великанов, приближение к которым запрещено. Долина лежала в нескольких часах ходьбы. Постояв немного, он двинулся вниз.

Все мешалось в его мозгу, когда он брел вниз по нетронутому белому снегу. Тоска по необычайному, накопившаяся за десять лет нудной работы с вычислительными машинами в штурманской «Земляники». Странная уверенность, что необходимо немедленно вернуться в пространство. Крик обзорных локомоторов, взявших цель. Причудливая маленькая ракета, непохожая на спасательную капсулу, уходящая на последнем дыхании прочь от далекой планеты. Александр Синяев, человек загадочный, великолепно разбирающийся в технике давно исчезнувшего народа. Черный оазис, чужой корабль, безмолвная переправа. Отремонтированный механизм, гонка по ночным коридорам, схватки с обитателями оранжерей. Сладкое чувство свободы. Возвращение к Дилавэру, прорыв сквозь испуганную толпу. Бесплотное существо переменной формы, люди с мордами ящеров, долгий сон, во время которого Бабич узнал язык и многое другое. Наконец, последний разговор с Синяевым на этом языке, когда они шли по внутренним переходам станции, чтобы через несколько минут спуститься сквозь атмосферу.

— Вы их не бойтесь, они не кусаются, — сказал тогда Синяев, указывая на спину одного из трусивших впереди чудовищ. Чудовища эти были ростом с человека, но сходство здесь не заканчивалось. Они очень напоминали людей, только в маскаранных костюмах. Их спины были сплошь усеяны какими-то чешуйками, пластинками, костистыми гребешками, вдобавок спина переходила в нелепый толстый хвост, волочившийся по полу. Ноги заканчивались у них большими овальными копытами, которые звонко шлепали при ходьбе. Руки были трехпалые, пальцы кончались страшными большими когтями. Лица представляли собой оскаленные маски, казавшиеся выполненными из живого металла. А повадки у них были вполне человеческие.

— Да я и не боюсь, они симпатичные, — сказал Николай Бабич. — Я к ним уже немного привык. Чего их бояться?..

— Это Квилла и Дзанг. — продолжал Синяев, убыстряя шаг, чтобы не отстать от чудовищ. — Они роботы, искусственные разумные существа, сделанные по образу и подобию своих творцов с планеты Пьерн. Очень древняя культура, цивилизация второго поколения. В Галактике таких мало. Возможно, она вообще уникальна.

Он сделал паузу, потому что бесплотное существо, выглядевшее на этот раз трехметровым атлетом с могучими мускулами, но перемещавшееся странной дергающейся походкой, исчезло в одной из боковых дверей. Чудовища и люди остановились, но существо тут же вернулось с большим мотком тол-

стой белой веревки через плечо, и отряд продолжил прерванное движение. Синяев снова заговорил:

— Вы привыкнете и к фантому. Он тоже робот, хотя и нематериален в том смысле, как вы это понимаете. Он не имеет постоянной формы, и при каждом изменении внешности у него целиком меняется все: и память, и программа, согласно которой он действует. Однако сменных программ у него не так много. А поведение Квиллы или Дзанга диктует одна-единственная — та, что вложена при создании. Она, конечно, не слишком жесткая, Квилла достаточно пластичен в отношениях со средой и другими разумными существами. Тем не менее это всего-навсего программа. Пусть она известна не всем, но она есть, она объективно существует. Так уж устроены роботы.

— Какого дьявола вы, земной человек, делаете в этой компании? И вообще как вы в нее затесались? — сказал Николай Бабич.

Синяев ответил не сразу, и некоторое время они молча шли по бесконечному коридору, замыкая карнавальную процессию. Гулкое эхо шагов уже тогда делало происходящее похожим на странный сон. Или даже на новую запись фантоматографа.

— Это старая история, — сказал наконец Синяев. — Она началась задолго до нашего с вами рождения. Случилось так, что корабль, на котором летели мои будущие родители, попал в аварию. Взрыв инвертора, как обычно.

— Все-таки инвертора?

— Да. Их вынесло на другой край Галактики, очень далеко от солнечной системы. Они не были космонавтами и не знали никаких координат: ни Земли, ни места катастрофы, ни района, где очутились. Звездных карт при них не было. Да и вообще ничего не было, кроме аварийной капсулы. Положение казалось вполне безнадежным. Но их спасли.

— Каким образом?

— Неподалеку случайно оказался один звездолет, — объяснил Синяев.

— Вот, вот. Об этом я и говорил. Одна случайность, вторая...

— Это был корабль, принадлежавший Кругу, — продолжал Синяев. — Удача получилась взаимной, Кругу повезло тоже. Ведь разумных существ, похожих на нас с вами, не так много в Галактике. Во всяком случае, Круг пока не включает миров, заселенных ими.

— А Земля?

— По-видимому, она пока еще тоже вне Круга.

— Пока?

— Разумеется, — сказал Синяев. — Круг постоянно расширяется. Но космическая активность Земли, вероятно, не так высока. Она пересеклась с Кругом только в тот раз, чисто случайно.

— Опять случайно! Кстати, что такое этот ваш Круг? — поинтересовался Николай Бабич. — Объясните же наконец. Объединение цивилизаций вроде ефремовского Великого Кольца? Или какая-нибудь развитая сверхцивилизация?

Синяев отрицательно покачал головой.

— Нет. Круг — это надцивилизация, самая могуществен-

ная в Галактике. Сверхцивилизаций и объединений не существует.

— Пускай надцивилизация, — охотно согласился Николай Бабич. — Разве дело в названии? Где она расположена?

— Думаете, я смогу ответить на этот вопрос? Где располагается космос? Откуда идет реликтовое излучение? Куда расширится вселенная?..

— Вы хотите сказать...

— Да, — кивнул Синяев. — Круг не имеет какой-то определенной дислокации. Все точки Круга равны. У него нет ни центра, ни периферии. Он как бы растворен в цивилизациях Галактики и не может без них существовать. И далеко не каждая цивилизация подозревает о его существовании.

— А какой тогда смысл вы вкладываете в выражение «корабль, принадлежащий Кругу»?

— Самый обычный. Если я, например, возьму где-нибудь корабль и куда-нибудь полечу — это и будет корабль Круга. «Земляника», когда вы меня спасли, превратилась в звездолет Круга. Когда мы шли к кораблю Маб, наш катер был катером Круга. А потом сам корабль Маб стал кораблем Круга, и вы входили в его экипаж.

— Вот как?

— Да. Если даже вы когда-нибудь вернетесь на Землю, вы уже никогда не выйдете за пределы Круга.

— Вы думаете, вам удастся заставить меня поступать вразрез моим убеждениям?

— При чем здесь я? — сказал Синяев. — И никто не собирается вас заставлять. Все гораздо проще. На каждом круге два направления. Вы всегда будете делать только свое, нужное вам. Но одновременно это будет полезно Кругу. Круг достаточно велик для такого пересечения интересов.

— Ну это мы еще поглядим, насколько он у вас велик, — сказал Николай Бабич. — Неужели он присутствует действительно на всех планетах Млечного Пути?

— Нет, конечно. В основном Круг интересуют миры, ведущие активную космическую деятельность. Или миры, приступающие к ней. Чаще всего включение планеты в Круг происходит стихийно, но не всегда. Дилавэр, например, очень долго находился под наблюдением. Без Круга космическая эра началась бы здесь еще очень и очень не скоро. Прогрессу в этой области весьма помогло спасение моих родителей. Вы сами видели, что здешние жители напоминают землян. Они почти как люди. Поэтому спасение моих предков обернулось для Круга большой удачей.

— И что же? — спросил Николай Бабич, хотя разговор перестал ему нравиться. — Дело успешно закончилось?

— Нет, операция началась сравнительно недавно, — объяснил Синяев. — Должен был родиться, я, должен был вырасти и окрепнуть, пройти необходимую подготовку. Дилавэр — очень ценная планета. Миллиард лет назад здесь была крупная база цивилизации Маб. Двойного назначения: и наземная и космическая. Но она была заброшена. Космическую станцию, правда, частично восстанавливали до нас, а вот на по-

верхности пришлось поработать мне. Ни мать, ни отец, естественно, не были специалистами по технике Маб. А специалистов, похожих, скажем, на Квиллу, вряд ли кто-нибудь пустил на поверхность.

— Я опять не понимаю, — пожаловался Николай Бабич. — Вы говорите, вас готовили. Вас готовили специалисты Круга. Но где это происходило? Ведь у Круга, как вы говорите, нет собственных планет?..

— Точно. Меня готовили на Кноссе. Там, откуда фантом. И готовили меня местные эксперты по технике Маб, не имеющие к Кругу никакого отношения. Так, во всяком случае, они думали... Именно кносский корабль спас в свое время моих родителей.

— А где они сейчас, ваши отец и мать?

— Их давно нет в живых, — сказал, помолчав, Синяев.

— И вы пикогда не были на Земле?

— Нет.

— И никогда не видели других земель?

— Никогда.

— И так легко ушли с «Земляники»?

— Почему же легко? — сказал Синяев. — Но что делать, здесь я нужнее. Так я считал. И люди здесь, в общем, ничем не хуже. Но теперь... Вы же знаете, планете угрожает опасность.

— И что вы будете делать?

— Скорее всего ничего.

— Почему?

— Вероятно, борьба бесполезна. Поэтому рекомендовано отсюда уйти.

— Рекомендовано?

— Да. А что вам не нравится?

— Мне нравится все. Только...

— Почему вы замолчали? Говорите.

— Только там, в оранжереях, — сказал Николай Бабич, — я вам завидовал. Я думал... Думал, что вы самый свободный человек во вселенной...

Здесь их разговор прервался, потому что они вышли за двери шлюза. Крыша над площадкой — если она была — оставалась невидимой, и казалось, что они стоят в пустоте, лицом к лицу с космосом, только непонятно, чем дышат. Под ними громоздилась планета, задрапированная облаками. На площадке уже стояли оба зубастых страшилища и бесплотное существо, похожее сейчас на древнегреческого титана. Потом оно раскрутило над головой лассо, сделанное из толстой белой веревки, и метнуло его в направлении облаков. Конец веревки скоро скрылся из виду, и сама она, уменьшаясь в диаметре, стала наконец тоньше самой тонкой научьей нити. Одно из страшилищ пристегнуло к паутинке несколько одинаковых овальных колец. Вокруг него возникла прозрачная серебристая оболочка, похожая на пузырь воздуха вокруг водяного наука. Не выпуская кольца из трехпалых ладоней, оно оттолкнулось ногой от края площадки и исчезло впису. За ним последовало второе страшилище. Потом Синяев рассказал Николаю Бабичу, как пользоваться переправой, и он тоже полетел вниз. А по-

том, уже под облаками, ему вдруг показалось, что это сон.

Он остановился, любуясь ландшафтом. Безмолвные снеговые пики парили в воздухе над горизонтом. Между ними и Николаем Бабичем синела яма ущелья. Сквозь толстый воздушный слой оттуда просвечивала зелень.

Край снежного щита был теперь совсем близко. Поверхность снега здесь обледенела, кое-где он подтаял до камня. Николай Бабич глубоко вдохнул морозного воздуха и вдруг увидел людей.

Их было человек десять, они поднимались навстречу ему из долины. Склон здесь был кругой, они шли, сильно наклоняясь вперед, и их лиц пока не было видно. За плечами у них выщипались тяжелые вещевые мешки. На шее у самого первого висел предмет, похожий на автомат.

Группа людей приближалась. Они еще не видели Николая Бабича. Они смотрели себе под ноги, чтобы не оступиться в горах булыжников, оставленных подтаявшим краем ледника.

Они шли извивающейся в вертикальной плоскости змейкой по берегу ручья, вытекавшего из-под ледника. Приблизившись к краю снежного щита, они остановились, их строй распался, они встали полукругом и теперь совещались, как им идти дальше.

Они показывали друг другу на скалы. Николая Бабича они пока не замечали, потому что он стоял неподвижно. Все они были облачены в одинаковую одежду: обтягивающие брюки темного цвета и светлые куртки с капюшонами. Их глаза скрывались за черными очками. На груди у вожака болталось оружие, но не автомат, а что-то вроде укороченного ружья. Такие же ружья-обрезы свисали с плеч остальных. Некоторые держали в руках предметы, похожие на ледорубы.

Когда они наконец заметили Николая Бабича, ему показалось, что это получилось у них одновременно. Не было такого, чтобы один из них увидел его, закричал, и глаза всех остальных повернулись к нему. Нет, сейчас они смотрели на него, перестав разглядывать утесы, будто уже давно знали о его присутствии, а теперь просто решили все вопросы, связанные с подъемом, и перешли ко второму пункту повестки дня.

Они разглядывали Николая Бабича сквозь черные очки, приветливо махали руками — он на это ответил, — а когда он сделал движение, чтобы спуститься, кто-то из них громко крикнул на своем мелодичном языке, который Николай Бабич выучил сегодня во сне:

— Оставайся на месте, приятель. Мы сами к тебе поднимемся.

Вереница вооруженных людей пробралась между массивными валунами и вышла на открытое место. Здесь они снова рассыпались в полукруг и остановились, глядя на Николая Бабича. Их было восемь. Они одновременно сняли черные очки — видимо, в знак приветствия — и молча стояли, разглядывая его, как заморское диво. Некоторые что-то жевали. Лица у них были вполне человеческие, восточного типа, темные глаза настроженно смотрели на Николая Бабича. Но гу-

бы уже расплывались в улыбках. Видимо, это был очень приветливый, добродушный народ. Однако первое слово принадлежало вожаку.

— Долго шел? — спросил он певуче, выплюнув жвачку в снег. — Пять часов? Или больше?

— Семь, — наугад ответил Николай Бабич, так как даже не знал, о чем идет речь. Вожак задумчиво пошевелил толстыми губами. Лицо у него было смуглое, загорелое, плоское. Глаза, привыкшие к черным очкам, смотрели на мир узкими горизонтальными щелками. Единственный в группе, он был без головного убора. Он долго шевелил губами, обдумывая слова Николая Бабича, подсчитывая что-то в уме.

— Семь часов, — повторил он наконец. — Через перевал всегда долго. А почему ты свернул с дороги?..

Николай Бабич колебался, не зная, как правильнее ответить. Его выручил низенький плотный человек с круглым гладким лицом:

— Наверное, захотелось побродить по чистому снегу. Когда я жил в Мильдсе, мне постоянно этого хотелось. Ведь в городе настоящего снега нет, даже зимой. Там его месят ногами и лопатами, посыпают солью, и он превращается в слякоть. Верно я говорю?

— Верно, — подтвердил Николай Бабич, удивляясь, что его до сих пор не опознали по произношению.

— Ну ладно, — проговорил вожак, прикрыв глаза-щелки. — В городе сейчас делать нечего. Пойдем лучше с нами, приятель. Пойдешь?

Николай Бабич развел руками. Однако некому было правильно истолковать этот жест. Уговаривать его никто не стал.

— Тогда становись, — сказал вожак. Все опять выстроились в колонну. Николай Бабич находился где-то в ее конце, за темнолицым мужчиной, которого звали Старк. Они двинулись вверх по следам Николая Бабича. Бывший горожанин замыкал шествие. Они шли тесно один к другому, ступая след в след, и Николай Бабич слышал позади себя дыхание бывшего горожанина.

— Снег здесь глубокий, — говорил тот. — Когда пойдешь через перевал в следующий раз, бери немного южнее. И падень горные башмаки, чтобы ноги не отморозить.

— А куда мы сейчас направляемся?..

— За вражескими лазутчиками, куда же еще, — сказал бывший горожанин из-за его спины. — Они живут воп в тех скалах. Там у них база, такое гнездо вроде осипого. Они живут там и готовят нашествие. Но сегодня мы им покажем.

— Если, конечно, найдем, — сказал темнолицый. Он покинул строй и шагал сейчас рядом с Николаем Бабичем, самостоятельно пробивая дорогу в глубоком снегу. — Если там действительно кто-то есть. Если все это не дезинформация.

— О ком идет речь? — спросил Николай Бабич. Ему так хорошо было идти с этими добродушными людьми в одной цепочке, по белому снегу, что он уже окончательно забыл, на какой планете находится. А теперь они заговорили о каких-то вражеских лазутчиках.

— Ты откуда свалился, приятель? — спросил темнолицый

Старк. — Или ты не читаешь газет? Ведь штаб самообороны работает у вас в Мильдсе, а не в нашей глуши.

— Он просто попутил, — объяснил бывший горожанин. — Конечно, он знает все об этом утесе и о вражеских лазутчиках.

— Почему ты, Лотто, всегда во все вмешиваешься? — с раздражением сказал темнолицый Старк. — Я не понимаю таких шуток. Если он действительно все знает, то почему же он отрицает это?..

— Я болел, — сказал Николай Бабич неожиданно для себя самого. — Я очень долго болел и лежал в госпитале. Мне не давали читать газет, совсем ничего не давали. Я вышел оттуда только вчера.

— Вот как? — бывший горожанин Лотто легонько хлопнул Николая Бабича по плечу. — Выходит, ты не знаешь даже про таласское предсказание?

— Нет, ничего не знаю.

— Тогда слушай. Два года назад таласский оракул впервые в своей истории согласился отвечать на вопрос о будущем нашей планеты. Раньше на такие вопросы он заявлял, что ответ зависит только от нас. Все, мол, в ваших руках. Но два года назад он сделал следующее предсказание: «Если не помешаете, — это у него стандартное начало, — то через два года небо расколется и прольется металлическим градом. Станут градины яйцами, и выдупятся из них железные пауки. Пауки подрастут, размножатся, разбегутся по всей планете и сотрут все с ее лица. Потом на развалинах вашей цивилизации они что-то построят, но вас к тому времени не останется...» Вот такой прогноз. Как обычно, без комментариев.

— Все точно, слово в слово, — подтвердил темнолицый Старк. — И два года уже на исходе.

— Фантазия у вашего оракула могучая, — сказал Николай Бабич. — А какая доля его предсказаний исполняется?

— Сто процентов, — спокойно ответил темнолицый Старк. — Все предсказания, которые он делает. Если, конечно, никто ничего не предпринимает. Он неспроста начинает свои ответы с этой вот фразы: «Если не помешаете». Например, он предсказывает засуху и неурожай. Поля начинают усиленно поливать и урожай снимают рекордный. Он предсказывает землетрясение и большие жертвы. Все уходит из района землетрясения — и жертв нет. А вообще его предсказания всегда сбываются.

— Поэтому нашествие произойдет буквально на днях, — подхватил Лотто. — Это естественно — ведь срок, указанный в прорицании, приближается. И Огненных Птиц сейчас видят куда чаще, чем раньше.

— А кто они такие, эти Огненные Птицы?

— Вражеские лазутчики. Они летают над нами, высматривают наши слабые места. Но мы начеку, народ вооружен, мы готовы к нашествию.

— Никогда не видел ни одной Огненной Птицы, — сказал Старк. — Я, конечно, верю в предсказание таласского оракула и всюду хожу с ружьем, но Огненных Птиц не встречал.

— А я видел, — сказал Лотто. — Целых четыре раза.

— Треплешься. Ничего ты не видел.

— Видел, — настаивал Лотто. — Совсем недалеко отсюда. Над долиной.

— А какие они, эти Огненные Птицы? Действительно похожи на птиц?

— Нет, конечно. Говорят, это просто летящий огонь в небе. Говорят, похоже на падающую звезду.

— Только покрупнее и гораздо медленней, — подхватил Лотто. — Потом они садятся на скалы, превращаются в людей и начинают высматривать наши слабости. По радио передавали, что на космической станции вчера или позавчера арестовали еще одного вражеского лазутчика. Неясно, как он туда пробрался. Его уже давно выследили, а вчера наконец арестовали. И сразу же казнили. Даже допрашивать не стали, по моему.

— Какой смысл? — сказал Старк. — Ведь они оборотни. Из них все равно ничего не вытянешь, даже насосом. Это ужасные существа, человеческие чувства им недоступны. Ни страх, ни совесть. Даже боль на них не действует.

— А почему вы называете их оборотнями? — насторожился Николай Бабич.

— Оборотни и есть, — объяснил Старк. — Они же могут превратиться в кого угодно. Хочешь — в человека, а хочешь — в железного паука. Но мы им зададим, этим оборотням. Если поймает, конечно.

— Все-таки их жалко, — сказал Лотто. — Я понимаю, что они не люди и что у них нехорошие цели, но все-таки мне их жалко. Ничего не могу с собой поделать. Конечно, это чувство надо в себе убить, потому что уж они-то нас не жалеют. Это будет страшное наказание, но мы постоянно за свою планету. На станции они появляются довольно часто. Они действительно в случае чего легко станут железными пауками, как сказано в пророчии. По радио передавали, что сегодня они даже пытались захватить космическую станцию.

Темнолицый Старк заинтересованно повернул голову.

— Что ты говоришь? Я этого не слышал. Когда это передавали?

— Перед самым нашим уходом. Они пытались захватить станцию, но неудачно. Им удалось скрыться, но ракета, на которой они прибыли, обезврежена, она находится под охраной. Сейчас их разыскивают. Деваться им особенно некуда. Скоро их изловят, а там и казнят...

Внезапно движение впереди замедлилось. Люди останавливались, окружая что-то кольцом. Все молчали. Николай Бабич протиснулся вперед. Остальные молча стояли, окружив глубокую яму, вырытую кем-то в снегу. Они стояли, сняв темные очки, в упор глядя на Николая Бабича. Расступались, давая ему дорогу. В их глазах появилось новое, строгое выражение, и руки легли на стволы свисавших с плеч ружей.

Николай Бабич понял, почему они остановились. Отсюда начинались его следы. Яму вырыл он сам, когда упал вниз, как самолет с поврежденными крыльями.

— Его душа отстала от тела, — медленно произнес фантом. Он был уже в обычной для себя форме Ассистента, неотличимый по виду от человека, похожий на отражение в зеркале. — Но ее инерция незначительна. Скоро догонит.

Сказал — и тут же покинул помещение.

Бабич лежал на кушетке, все еще без чувств. Иначе действительно было нельзя. Уходить следовало быстро, а его организм не привык к большим ускорениям и не вынес бы их в другом состоянии. Сейчас он медленно возвращался к жизни. На его бледном лице проступил слабый румянец, задержались мускулы век. Наконец он открыл глаза.

Видимо, он не сразу понял, где находится. Его взгляд был бессмысленным, как у новорожденного детеныша. Прошло какое-то время, прежде чем он заметил того, кто сидел рядом с его кушеткой.

— Доброе утро, — ласково сказал Александр Синяев. — Как спалось?

Бабич молча сел на кушетке, свесил ноги на пол.

— Как вам спалось? — повторил Александр Синяев.

Бабич долго молчал, что-то припоминая.

— Так это был сон? — спросил он наконец.

— Возможно. Но я не знаю, что вам снилось.

— Разговоры о нашествии, — сказал Бабич, опять помолчав. — База вражеских лазутчиков на утесе. Предсказание таласского оракула. Сугробы, обвалы, люди с обрезками на плечах. И — темнота.

— Нет, это не сон. Видимо, так оно и происходило.

— Значит, это правда? — Бабич попытался подняться с кушетки, но координация ему изменила, и он опять сел. — Планиете действительно угрожает нашествие?..

— Безусловно.

— И вы... — сказал Бабич. Глаза их встретились. — Вы и ваш Круг... Вы действительно подготавливаете эту акцию?..

Александр Синяев рассмеялся; это прозвучало искусственно.

— Конечно, нет. Но так многие думают. При чем здесь Круг?..

Бабич снова попытался подняться, на сей раз успешно. Александр Синяев сидел в кресле рядом с кушеткой, а Бабич встал над ним во весь рост, и его глаза были как серый лед. Это что-то напоминало.

Почему-то вспомнился другой человек, бывший отцом Александра Синяева, и женщина, которая учила его языку и рассказывала о родине.

— Вы лжете, — очень спокойно сказал Бабич.

— Зачем же мне лгать? — возразил Александр Синяев. — Впрочем, судите сами. Разве я похож на космического агресора?..

— Сейчас нет, — спокойно сказал Бабич. — А ваши друзья похожи. И я не очень хорошо знаю, на что вы будете походить в следующее мгновение.

— Мои друзья? — Александр Синяев опять рассмеялся, теперь уже от души. Он поднялся из кресла и хлопнул Бабича по плечу.

— Вам, Николай, лучше бы никогда не покидать штурманской рубки. Лишние впечатления вам вредны. Пойдемте.

Они вышли в коридор и свернули в демонстрационную. Здесь было бы просторно, если бы все помещение не занимала объемная карта Галактики. Впрочем, это было только изображение, оно ничему не мешало. Они прошли сквозь карту к противоположной стене. Александр Синяев взял с подставки световую указку. Ее тонкий луч пронизывал Млечный Путь, как простое облако дыма.

— Смотрите. — Александр Синяев указал на короткую цепочку зеленых огней в средних широтах Галактики, где уже отчетливо просматривалось чередование пустот и звездных скоплений. — Эти звезды. Чем, по-вашему, они замечательны?..

— Они лежат на одной прямой линии. Но я не понимаю...

— А что вы скажете об этой звезде?

Луч указки уперся в слабый красный огонек.

— Она — на той же прямой, — сказал Бабич. — Но...

— Красной точкой отмечено местоположение Лагора, — объяснил Александр Синяев.

Теперь Бабич смотрел на карту другим, профессиональным взглядом. Он был опытным штурманом, и пространственное воображение было у него неплохо поставлено.

— Лагор? — повторил он. — Похоже. А что означают зеленые огни?

— Это маршрут Корабля Роботов, — объяснил Александр Синяев.

Реакция Бабича была неожиданной.

— Корабль Роботов? Я слышал об этом. Роботы, которые завоевывают вселенную. Но я думал, это легенда. Я даже не знаю ее происхождения.

— Происхождение? — сказал Александр Синяев. — Можно себе представить. Видимо, один из земных звездолетов наткнулся на систему, где они уже побывали. При виде планет-двойняшек такая легенда возникает совершенно произвольно.

— Значит, это все-таки правда, — задумчиво проговорил Бабич. — И они в самом деле завоевывают вселенную. Я считал, что это обычная выдумка. А при чем здесь вы и ваш Круг?..

— Роботы ничего не завоевывают. Они работают по программе. Но программа устарела на много эпох. Ее авторы были, возможно, гораздо умнее нас. Тем не менее она устарела.

— Они действительно ни на что не обращают внимания?..

— Да. — Александр Синяев выключил световую указку. — Если хотите, я вам все расскажу. Пойдемте.

Они прошли сквозь карту Галактики, вышли в коридор и вернулись в первую комнату. Бабич устроился в кресле; Александр Синяев сел на кушетку и начал рассказ.

— Это случилось очень давно. Видимо, когда-то цивилизация Маб направила к звездам отряд роботов для реконструкции планет. В роботов вложили программу — преобразовать

пустынные миры, делать их пригодными для заселения. Но когда роботы получили задание, взрыв скопления сверхновых в созвездии Ориона еще не произошел, и жизнь на периферии Млечного Пути еще не вступила в третью стадию. Видимо, поэтому программу можно было толковать по-другому — роботы должны переделывать все планеты, которые встретятся.

Бабич внимательно слушал.. Александр Синяев продолжал:

— Есть вещи, которые не стареют, но догмы, созданные разумными существами, к ним не относятся. Всему свое время. Распоряжения, сделанные в прошлом, постепенно устаревают. Когда-то программа была естественной — в Галактике не было разумной жизни. Теперь положение изменилось, и старая программа стала бессмысленной и опасной.

— Так неужели весь миллиард лет...

— Нет. Действительно, роботы вышли в путь миллиард лет назад, но никто не знает, где они пропадали. Вероятно, попали в «черную дыру» или в какую-нибудь другую область сжатого времени. Как бы то ни было, миллиард лет они бездействовали. Но недавно экспедиция одного из миров Круга...

— Все-таки Круга?..

— Да, Круга, — повторил Александр Синяев. — Что вы ко мне пристали? Почему вы так говорите? Кто дал вам право так говорить? Почему я до сих пор не сказал о Земле ни одного плохого слова?..

— Так то Земля, — сказал Бабич. — Но извините меня, и не хотел вас обидеть. Продолжайте.

— Недавно одна экспедиция побывала в системе, которую считали безжизненной. Представьте всеобщее удивление, когда выяснилось, что все пятнадцать планет были окутаны кислородными атмосферами, покрыты одинаковыми морями и лесами.

— И даже форма континентов была одинаковой?

— Почти, — сказал Александр Синяев. — Конечно, небольшие отличия есть, они неизбежны. Результаты осмотра соседних систем оказались также неутешительными. Всего обнаружили около полусотни планет, похожих как капли воды. На некоторых из них раньше была жизнь.

— Разумная? — быстро спросил Бабич.

— К счастью, нет, — сказал Александр Синяев. — Но роботам это было бы безразлично. Они по-другому запрограммированы. Они снимают с планеты поверхностный слой и все создают заново. Жизнь на этих планетах не успела дорасти до высшей стадии. И теперь уже никогда не дорастет.

— Роботы, — медленно повторил Бабич. — А почему мне говорили о пауках?

— Даже человек строит роботов по своему образу и подобию, — объяснил Александр Синяев.

Минуту Бабич размышлял.

— Это зеленые звезды, которые вы показывали?

— Да. Оказалось, они лежат на одной прямой. Она как копье, нацеленное в Лагор. Это стало известно несколько лет

пазад, я уже работал здесь. Но Корабль Роботов так и не появился.

— Почему?

— Неизвестно. Конечно, кос-какие предположения гзникли. Ведь Лагор лежит на этой прямой, но в другом рукаве Галактики. Корабль Роботов не появился — следовательно, он и не должен был переходить в нашу ветвь. Так кто-то решил, в результате я остался на Дилавэре.

— И это все?

— Да. Потом было таласское предсказание.

Бабич прикрыл глаза. Александру Синяеву показалось, что у него возникла какая-то мысль. Но Бабич ее не высказал.

— Почему же вы считаете, что нашествие неминуемо? Только из-за прогноза оракула?

— Да, — сказал Александр Синяев. — Эта машина — наследство цивилизации Маб. Она работает очень хорошо, хотя никто не знает, как она действует. Каким-то образом воспринимает информацию из будущего. Как некоторые люди. Как вы во время своей вахты.

— Почему вы убеждены в ее происхождении? — помолчав, спросил Бабич. — Разве вы видели ее вблизи?

— Я ее ремонтировал, — объяснил Александр Синяев. — Храм Неба в Талассе — самая большая из известных баз Маб в этой части Галактики. Конечно, реставрировано не все. Не все еще в моих силах. А когда я узнал о назначении одного сооружения, мне расхотелось его чинить.

— Что же это было?

— Дуэльный зал, — сказал Александр Синяев. — Там дрались гладиаторы. Вооруженные всеми научными достижениями. Он мне часто мерещится по ночам.

Бабич ничего не сказал. Александр Синяев продолжал:

— У них был культ развлечения. Развлекаться они любили, и делали это своеобразно. Например, такая жестокая забава. Два космолета шли друг на друга лоб в лоб. Экипаж, который первый не выдерживал и отворачивал, проигрывал, его ждал всеобщий позор. В любом случае выигрывал второй. На пультах их кораблей были даже специальные приспособления для таких... игр.

— Что значит «в любом случае»?

— Второй мог и не отворачивать, — объяснил Александр Синяев. — Тогда дуэль все равно завершалась тараном. И не смотрите так. Это не я придумал. И, кстати, не Круг. У них была недоступная нам мораль, но наука инвариантна. Станцию, на борту которой мы находимся, построили тоже они. Если не считать «Гномов», собственных космолетов у Дилавэра пока нет. Почти вся техника, которую имеют аборигены, осталась от Маб. Они даже не знают, как устроены многие механизмы, которые у них есть.

— Но умеют ими пользоваться?

— Да.

— Разве это возможно?

— Да, их научили.

— Кто же это сделал?

Александр Синяев не стал отвечать. Впрочем, все было ясно

без слов. Люди долго молчали. Бабич размышлял об услышанном, Александр Синяев ждал дальнейших вопросов. Торопиться им было совсем некуда.

— И вы считаете, что роботы могут разрушить постройки, возведенные их хозяевами?..

— Что здесь удивительного? — сказал Александр Синяев. — На то они и роботы. Но главное не в постройках. Есть еще население, и мне становится скверно, когда я о нем думаю. Это добрые отважные люди — я привык считать их людьми, — они будут сражаться, но воевать они не умеют. И вряд ли удастся помочь им. Я один, и я плохо знаю противника. И у меня нет ничего — только мозг и голые руки..

— А ваш Круг?

— Круг ни при чем. К сожалению, Круг против обороны Дилавэра.

— Почему?

— Считает ее бессмысленной.

— И как вы поступите?

— Не знаю.

— Хорошие ребята сидят в вашем Круге, — сказал Бабич. — Целая планета под угрозой гибели, а они — в кусты..

В комнату тихо вошел фантом, все еще в форме Ассистента. Он молчал, прислушиваясь к разговору. Но Сеанс был не скоро, и все, что сейчас говорилось, для Круга было закрыто. Бабич не знал этого и в смущении замолчал.

— Круг здесь ни при чем, — повторил Александр Синяев. В его голове опять чередой промелькнули образы. Высокий седой человек — отец. Красивая молодая женщина — мать. И картины, навеянные их рассказами. — Это мое дело, и я буду делать его один.

— Один? Почему? И неужели бы вам помешала помощь? Ведь у других разумных существ, вероятно, есть самые чудесные качества.

— Вполне возможно. Но и у человека их не так мало.

Бабич не стал требовать уточнений, и Александр Синяев повернулся к Ассистенту. Раз он пришел — значит, у него было что сообщить.

— Какие новости? Где Квилла?

— Они с Дзангом еще внизу. Готовят имущество к эвакуации и возводят перекрытие против бомбежек.

— Правильно, — сказал человек. — Что еще?

Фантом молчал. На лице у него что-то задержалось.

— Что у тебя еще? — повторил человек. — Говори. Я же вижу, что-то срочное.

— На станции тревога, командир, — сказал фантом. — Они обнаружили звездолет.

Через секунду все трое уже бежали к обсерватории. За стеной коридора царил паника, и человеку казалось, что он слышит топот сапог в тоннелях на верхних ярусах.

— Сейчас мы его увидим, — сказал Николай Бабич.

Это наверняка был Корабль Роботов. Два года кончались. Из-за возни с Хребтом Исполинов человек совершенно не был

готов к приему гостей. И роботы оставались внизу. И очень плохо, что аборигены заметили звездолет первыми. Они многого не понимали и могли наделать глупостей.

Они остановились у люка обсерватории.

— А вдруг это корабль, на котором мы прилетели? — сказал Николай Бабич.

Это было невероятно, и Александр Синяев не стал отвечать. Друг за другом они вошли внутрь отсека. Здесь было темно. Люди опустились в мягкие кресла, фантом остался стоять. Стены стали прозрачными, открыли облачный щит Дилавэра.

— Я ничего не вижу, — сказал Николай Бабич.

Александр Синяев тоже пока не видел того, что хотел. Он слишком долго пробыл под атмосферой. Бабичу не хватало тренировок. Зрение фантома вообще никуда не годилось.

Александр Синяев включил локаторы поиска.

— Они напоминали пауков, — неожиданно сказал Николай Бабич. — Откуда же здесь такие кресла? Разве они могли знать, кто будет сидеть в них через миллиард лет?..

— Я притащил мебель из верхних ярусов, — объяснил Александр Синяев.

Локаторы зазвенели. На стенах ничто не изменилось. Конечно, локаторы не видели звезд и Лагора, но память поста держала в себе их расположение. В пустоте среди звезд загорелась новая яркая точка. Все увидели ее одновременно.

— Наконец-то, — сказал Николай Бабич.

Александр Синяев привычным движением включил трансфокатор. Яркая точка росла, выхваченная из звездного фона. У нее появились размеры и форма.

— Мне кажется, я где-то уже видел этот корабль, — сказал Николай Бабич.

Александр Синяев молчал. Яркая точка росла, превращаясь в звездолет дальнего следования.

— Это «Земляника», — сказал Николай Бабич.

Аудитория была безлюдна. Они только что вошли сюда через потайной люк, но предосторожности оказались излишними. Занятия давно кончились, и здесь никого не было. Станция была охвачена боевой тревогой. Они вышли в лабиринт коридоров.

— Нужно торопиться, — сказал Александр Синяев. — Иначе вашим коллегам придется несладко.

За поворотом загромыхало. Они укрылись в боковом переходе. Мимо пронеслась группа солдат и офицеров с атомными карабинами наперевес. Некоторых человек помнил в лицо.

— Куда они все бегут? — спросил Николай Бабич.

— К абордажным ракетам, — объяснил Александр Синяев. Он уже слышал, что творится на посадочных палубах. — Через двадцать минут первые ракеты подойдут к «Землянике».

Он замолчал. Они снова быстро шагали по металлическому полу.

— И что дальше?

— Для «Земляники» это будет конец, — объяснил Александр Синяев. — Эти ракеты служили народу Маб для аварийно-спасательных работ. Они предназначены для случаев, когда

некогда открывать люк или когда его вообще невозможно открыть. Такая ракета присасывается к звездолету — у нее есть специальная присоска, — проламывает борт и выпускает экипаж внутрь. Если бы они атаковали так настоящий Корабль Роботов, то их шансы были бы невелики. Корабль их так просто не подпустил бы. Но я не думаю, что ваш командир способен ударить из лазеров по приближающимся ракетам.

— Да, Монин до этого не додумается. Тогда что же делать?..

Они уже приблизились к посадочным палубам, и не надо было напрягать слух, чтобы слышать, что там творится. Группы вооруженных солдат и офицеров обгоняли людей все чаще, и время от времени приходилось прятаться в боковых галереях.

— Самое верное было бы радировать на корабль, — сказал Александр Синяев. — Но...

— Вы правы, этот вариант не для Монина. Монин мужик обстоятельный, начнет выяснять, в чем дело. А времени на объяснения нет.

— В принципе можно было бы проникнуть в одну из ракет, — сказал Александр Синяев. — Но это тоже бесполезно. Даже если нам повезет и мы окажемся на ракете, которая первой возьмет «Землянику» на бордаж. Нам не выстоять против толпы.

— Что же нам остается? Ждать, когда они погибнут?..

— Нам остается наш аппарат, — сказал Александр Синяев. — Тот, на котором мы прибыли.

Они вышли в овальную дверь.

— Надеетесь, они сняли охрану?

Александр Синяев кивнул.

— Вполне возможно.

Они опять находились в эллинге, в тени входного тамбура. Десантный диск, на котором они прилетели, серебряным блюдцем лежал в центре помещения. Охраны действительно почти не было. Два вооруженных стражника играли в карты на полу рядом с диском. Больше никого не было видно.

— Нет, охрана на месте, — сказал Николай Бабич, переходя на шепот. — Как же туда пробраться?..

Александр Синяев посмотрел на Ассистента. В его лице что-то задрожало, сместилось и вернулось на прежнее место.

— Необходим отвлекающий маневр, — сказал Александр Синяев. — Как в прошлом году. Ты меня понял?..

В лице фантома опять что-то задергалось.

— Да, командир, — сказал он.

Два стражника сидели, скрестив ноги, на полу рядом с десантным диском. Из-за диска послышался громкий шорох. Первый насторожился.

— Пойди посмотри, что там такое, — сказал он товарищу. — Впрочем, пойдем вместе.

Они встали. Первый с наслаждением потянулся. Его спина затекла от долгого сидения на полу. Он посмотрел на пару тяжелых атомных карабинов, прислоненных к серебряному борту диска.

— Наверное, крысы или другая мелкая живность, — сказал он, вслушиваясь в непрерывающийся шорох. — Пойдем взглянем.

Они медленным шагом направились в обход диска.

— Интересно, взорвали уже этот вражеский звездолет? — сказал второй.

— Не завидую тем, кто на нем прилетел, — сказал первый. — Все равно, пауки они или люди. Ведь этот инструктор Ксандр, которого недавно казнили, прекрасно натренировал бордажные экипажи. Он хорошо разбирался в этих делах, куда лучше любого офицера. Те разбираются только в выпивке. Жаль, что он оказался вражеским лазутчиком.

— Что это там такое?.. — спросил второй.

Они застыли на месте, вслушиваясь в шорох, несущийся к ним из-под отдаленной стены эллинга. Там лежал сумрак, слиявшийся чуть заметными разноцветными линиями.

— Или мне это мерещится?..

— Тихе, — перебил его первый.

Разноцветные линии расплывались, поглощая мрак, становясь извивающимися полосами. Живая струящаяся картина была погружена в медленно разгоравшееся у стены эллинга зеленоватое свечение.

— Это Хозяйка, — взволнованно прошептал второй.

— Тихе, — повторил первый.

Поперек горизонтальных змеящихся линий возникли вертикальные полосы. Они кружились на месте, вытесняя одна другую, складываясь в мгновенные исчезающие образы. Потом пляска полос прекратилась, остались лишь прозрачное свечение и грациозный девичий силуэт на фоне дальней стены.

— Это Хозяйка станции, — взволнованно повторил второй, боясь спугнуть видение. — Мне рассказывал о ней Рутс. Правда, тогда я ему не поверил...

Они стояли затаив дыхание и смотрели на прекрасную длинноволосую девушку, начинавшую плавный тапец в плотном зеленом воздухе.

— Говорят, это к счастью, — прошептал второй. — Только молчи. Если узнает начальство, у тебя отберут жетон.

Они стояли как зачарованные, глядя на прекрасный тапец Хозяйки станции, не веря своей удаче, когда внезапный тонот взорвал тишину позади них. Они обернулись — никого. Они еще раз обернулись. Свечение гасло, видение медленно таяло.

И тогда они испугались.

Глава 7. ЭКЗАМЕН

Александр Спяев видел, как фантом бесформенной тенью скользнул к выходу. Свое дело он сделал, и за него можно было не беспокоиться. А люди, уже неуязвимые, лежали внутри диска, разделенные прозрачным стеклом.

— Тревога! — заорал один из стражников. — Оборотни на станции!..

Створки люка перед диском бесшумно распахнулись и вновь сдвинулись за его кормой. Станция таяла позади, теряясь в сверкающих облаках. Стенки диска были прозрачны, сквозь них люди видели небо.

— Мы стартовали раньше всех, — сказал Александр Синяев. — И у нас преимущество в скорости.

Он замолчал, выскивая силуэт «Земляники». Но Бабич первый заметил впереди удлиненную точку.

— По-моему, это она.

Оставалось подправить курс. Борт корабля надвигался, как стена поперек неба. Они замедлили ход, влетели в причальный тоннель и вышли внутри ангара.

— Интересно, кто сейчас вахтенный? — начал Бабич, но Александр Синяев оборвал его:

— Разговаривать некогда. Они появятся с минуты на минуту. Бегите в рубку и уведите «Землянику» отсюда. Куда угодно, лишь бы подальше от Лагора.

— А вы?..

— Еще одно. Исправьте мою ошибку. Уничтожьте звездные карты. Сделайте так, чтобы сюда невозможно было вернуться. Вы сами видите, здесь опасно. И... в чем-то вы были правы. Не надо, чтобы Круг знал о Земле. Все, прощайте.

Бабич стоял рядом с диском растерянный, не понимая происходящего.

— А как же вы?..

— Я остаюсь. Прощайте.

Александр Синяев лег на свое место.

— Стойте! — крикнул Бабич. — Я не успел вам сказать. Когда мы смотрели карту... Возможно, я ошибаюсь. Но черный оазис лежит между Лагором и зелеными звездами. Проверьте это. Вы меня поняли?..

Александр Синяев наклонил голову в знак благодарности. Люк захлопнулся. В следующее мгновение «Земляника» затерялась среди неподвижных звезд.

Человек остановился на полдороге, балансируя в слабой гравитации Дилавэра. Он ждал, настроив органы чувств. Но несколько минут ничто вокруг него не менялось.

Потом от цилиндра станции над облаками планеты отделились блестящие точки. Как поворожденные мальки, они плотной стайкой неслись к человеку, увеличивались, вырастали в акул. Они надвигались, но он мысленным зрением видел сбоку их продолговатые силуэты.

Позади было пока тихо. Николай Бабич не успел еще добраться до рубки. Будет очень досадно, если там кто-нибудь окажется.

Человек приготовился к обороне.

Абордажные ракеты приближались. При желании человек мог уничтожить их, но время у него пока было. К тому же те, кто находился в ракетах, не нападали. Они защищались. Не их вина, что они искали врагов среди друзей. По-другому они не умели.

Они приближались, уже заметив диск, замедляя движение. Видимо, они поняли, что звездолет охраняется, но не стали искать обход. Они были отчаянными ребятами и сейчас шли в атаку, хотя их никто никогда не учил, как бороться с такими машинами, как десантное блюдо Маб. Но они атаковали его так, как человек учил их атаковать Корабль Роботов.

Теперь из центра мшшени он наблюдал, насколько хорошо они усвоили его уроки.

Ракеты, выстроившись вогнутой полусферой, окружали десантный диск, отрезая пути к отступлению. Человек насчитал около двадцати абордажных судов. Медлить было нельзя. Он сделал мысленное усилие и вытолкнул из контейнеров заряд металлической пыли. Под действием магнитных полей она заклубилась, копируя очертания диска. Одновременно человек сделал свой аппарат невидимым, сместился на десять километров в сторону и продолжал наблюдение.

Какое-то мгновение картина оставалась неподвижной — хищные тени абордажных ракет, нацеленные на серебряную тарелку. Но внезапно они, как пиявки, одновременно устремились к центру. Носы абордажных ракет раскрывались глубокими воронками. Казалось, пустоту вот-вот огласит их жадное чавканье.

Они прошли сквозь облако пыли, почти не замедлив скорости. Две или три столкнулись. Человек удивился, что всего две или три. Конечно, ничего страшного с ними не произошло, они лишь на секунду потеряли управление и целую секунду барахтались в пустоте рядом с металлическим призраком, но уже через секунду отступили для новой атаки.

Они вновь замерли, рассыпавшись полусферой. Вероятно, командиры судов совещались, как им теперь действовать. Это продолжалось недолго, потом ракеты сбились в плотную группу и двинулись к «Землянике», набирая скорость, обходя диск стороной. Человеку стало приятно, что они так быстро приняли правильное решение.

Но медлить было нельзя. Диск вновь стал видимым, серебристым. Человек легко обошел стаю ракет и остановился у них на пути, ожидая, что они будут делать.

Он смотрел на приближающиеся суденышки — они были как звездочки на фоне густой черноты, но внезапно по всему небосводу замерцали новые светлые вспышки, у него зарыбило в глазах, и, почти теряя сознание, он развернул диск. «Земляника» стартовала. Пустота вокруг нее бурлила, как кипящая жидкость. Самого звездолета уже не было видно — лишь белое пузырящееся пятно, похожее на буран вокруг погружающейся субмарины. Но это длилось недолго.

Строй атакующих нарушился. Без специальной экранировки свертывание пространства действует на нетренированный организм, как удар по голове тяжелым предметом. Но это не смертельно — потом все возвращается к норме.

Время уходило. Набирая скорость, диск двинулся по широкой дуге, направляясь к точке пространства, где был спрятан звездолет цивилизации Маб.

Выход из защитного поля напоминает рассвет. Корабль медленно выступает из мрака и секунду остается зыбким, переальным, полупрозрачным, чтобы уже в следующий миг стать самим собой — сплошной гигатонной глыбой, вылитой из металла.

И он появился над облачными торосами — древний звездолет, созданный гением давно исчезнувшего народа. Диск, как спутник, нанизывал витки на его шлифованную обшивку. Значит, вот где задержался Корабль Роботов. Черный оазис действительно лежал на его маршруте, и человек, конечно, должен был понять это сам, еще на борту «Земляники». Но там, в оазисе, он в первый момент решил, что закрывающая звезды машина и есть Корабль Роботов. Это его отвлекло, поэтому он ничего и не понял...

Диск, как беззвучный призрак, скользил над дневной стороной громадной сферы, отражаясь в ее полированном зеркале. Однообразие усыпляло, но человеку было нехорошо. Его одолевали предчувствия. Два года кончались, и он устал ждать. Роботы Маб были его врагами, но он не испытывал к ним ненависти. В чем-то они были даже похожи. Они делали свое дело, он делал свое. Вернее, готовился к этому. Он ненавидел роботов не больше, чем тех, кто из-за таласского предсказания готов был потушить все звезды на небе. И те и другие не были виновны ни в чем...

Но кто же тогда виноват? Цивилизация Маб? Ее инженеры, вложившие в роботов неправильную программу? Но разве можно отвечать за что-то через миллиард лет после гибели последних представителей своего вида?..

Однообразие усыпляло — человек уже много часов подряд не смыкал глаз, и когда внизу что-то мелькнуло, не успел сразу затормозить. Ему пришлось возвращаться по оборванной траектории.

Под ним в центре зеркальной равнины возвышался катер с «Земляники», похожий на памятник. Памятник чему?.. Диск нырнул вниз. Приземление оказалось точным, они провалились сразу на стартовую палубу. Корабль впустил диск, потому что это была его собственность, он его узнал. Оказавшись в освещенной рубке, Александр Синяев подумал, что торопиться не обязательно — звездолет не даст атакующим приблизиться, даже если наблюдатели станции успеют его заметить. Но и тянуть ни к чему.

Человек не удивился, опять увидев «Землянику». Она висела в прежней точке оазиса, где они с Бабичем ее оставили сутки назад, будто никуда и не отлучалась. Правда, и его звездолет вернулся туда, где был обнаружен. Все повторялось, возвращалось на круги своя.

Кроме «Земляники», в небе ничего не было. Но ученые звездолета уже работали на планетах. Они знали сейчас больше, чем Александр Синяев.

Вскоре диск опять лежал в ангаре «Земляники», бок о бок с «Гномом», на котором человека казнили. Торопясь, он выскочил в коридор. У входа в ангар стоял его коллега Василий с приятелем. Они беседовали о чем-то значительном. Узнав Александра Синяева, они одновременно разошлись.

Александр Сияев вежливо поздоровался.

— Это опять вы? — сказал Василий, заглядывая ему в глаза. — Мы думали, вы погибли. Ведь корабль, на который вы высаживались, куда-то исчез.

— Наоборот, — возразил человек — Это вы куда-то пропали.

Уходя от ангара, он услышал, как Василий сказал приятелю:

— Это Сияев, о котором я говорил. Он лучший пилот из всех, кого я знаю. Он ответил на все вопросы.

Александр Сияев не спорил. Он уже бежал по магнитной дорожке, как бегун-марафонец. Зрителей не было. Звездолет казался необитаемым. Александр Сияев оставил позади ряд пустых пассажирских кают, миновал плотно закрытую дверь кают-компания.

В рубке был один Бабич.

— Они уже были здесь, — сказал он. — Они сделали свое дело.

Мозг Александра Сияева оставался ясным.

— На всех планетах?

— Да. Планетологи еще там. Сначала никто не поверил. Но они передали снимки.

— А роботы? Их кто-нибудь видел?

— Действующих — нет. Нашли одного, попавшего под обвал.

Цейтнот. Александр Сияев окинул взглядом прозрачные стены рубки. Нет, отсюда ничего не увидишь. И ничего не сделаешь.

Он повернулся к выходу.

— Вы куда? Я с вами.

Александр Сияев не стал отговаривать Бабича.

Они бежали по коридору, мимо приоткрытой двери кают-компания. Тетка Сияева Монин и поэт Константин Космопроходческий разговаривали за пустым обеденным столом.

— В природе существует все, — говорил Монин, вытирая пот курчавым париком... — Но чтобы планеты были так похожи, вплоть до формы материков...

— Это рифмованные планеты, — объяснил авангардист. — Творец создавал их, словно поэму.

Их лица отгородила стена коридора.

У входа в ангар вместо пилотов-десантников стояли рыжий медратник Дорошенко и один из подчиненных Анатолия Толейко.

— К счастью, я взял свои камеры, — говорил планетолог. — Они очень тяжелые. У меня все болит, но снимки получились отличные. Вероятно, это автомат с корабля, на котором погибли Бабич и этот ловый. Кстати, вы слышали, что корабль возвратился? Вдруг их удастся спасти?..

— Не думаю, — возразил Дорошенко. — Кислород в их костюмах кончился несколько часов назад. Сколько же они могут не дышать?..

Они загораживали проход.

— Позвольте, — сказал Николай Бабич. Не успев удивиться, они посторонились. Бабич и Александр Сияев снова вышли в ангар.

Игорь КОЗЛОВ — Прыжок
Леонид ПАНАСЕНКО — Гнев Ненаглядной
Михаил ПУХОВ — Станет светлее
Юрий ПЕРЕСУНЬКО — Жаркое лето

Цена 60 коп.

